

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«КРАСНЫЕ ЦЕПИ» И «МОЛОТ ВЕДЬМ»

Том 2
ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ
ВСЕГО

КОНСТАНТИН ОБРАЗЦОВ

Annotation

Ленинград, август 1984 года. Закат великой советской эпохи.

Автор бестселлера «Красные Цепи» предпринимает исследование тайн Мироздания. Великолепный многоплановый роман о человеческом выборе, влияющем на судьбы Земли: то, что начинается как детектив, превращается в научную фантастику, которая достигает степени религиозного мистицизма.

Трагическая смерть одного из авторитетных представителей преступного мира поначалу кажется самоубийством, а жуткие обстоятельства его гибели объясняются приступом внезапного сумасшествия. Но чем дальше продвигается расследование, тем больше всплывает странностей, парадоксальных загадок и невероятных событий, а повествование постепенно охватывает пространство и время от Большого взрыва до современности...

- [Константин Образцов](#)

- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
-

Константин Образцов

Единая теория всего. Том 2. Парадокс

Ферми

Глава 5

Демон Лапласа

2.37 – 3.03

Подошла Наташа, быстро оглянулась по сторонам, наклонилась к нам и громко зашептала:

– Сейчас остановимся на две минуточки, если хотите покурить, пойдемте, я вам дверь открою!

И показала зажатый в ладошке круглый толстый ключ.

– Отлично! – воскликнул Адамов. – Что же мы сидим, давайте быстрее!

Мы вскочили с мест, задевая коленями столик, цепляя скатерть, пошатываясь и хватаясь за спинки сидений.

– Туда, туда! – И Наташа повела нас по проходу между столами в сторону кухни. У нее была сдержанная, экономная походка человека, большую часть времени проводящего в движущемся и раскачивающемся вагоне, при этом спина и плечи держались ровно и прямо, но все, что находилось ниже гибкой и узкой талии, непостижимым образом раскачивалось, подпрыгивало и вращалось так, словно бедра и ягодичы достались Наташе от танцовщицы с бразильского карнавала и жили своей собственной яркой и насыщенной жизнью.

Мы протиснулись через узкий коридорчик, облицованный светлым пластиком, и вышли в железный, грохочущий тамбур. Поезд медленно останавливался; за окном проплывали стальные решетчатые фермы угловатых высоких арок, протянувшихся над сплетающимися рельсами десятков путей, яркие фонари, разноцветные семафоры, крошечные кирпичные будочки, похожие на домик бедного кума Тыквы, рядом с которыми неподвижно стояли люди в спецовках и провожали взглядом состав.

Протяжный лязг долгой судорогой пронесся от локомотива до последнего вагона, и поезд остановился. Наташа вставила ключ в скважину внешней двери, провернула несколько раз и распахнула дверь настежь. В душный сумрак тесного тамбура влился воздух августовской ночи – прохладный, отдохнувший от дневного жара и здесь, на техническом полустанке, пахнувший маслом, железом и креозотом. Мы с наслаждением

закурили, выпустив наружу клубы сизого дыма. Наташа со смущенной улыбкой мыкалась рядом с дверью в тамбур.

– Наташенька, а вы что же? – заметил ее Адамов. – Присоединяйтесь, мы потеснимся, правда?

Через минуту мы уже дымили втроем, переглядываясь и довольно улыбаясь друг другу. Горящие торфяные болота остались далеко позади; небо было залито холодным сиянием железнодорожных прожекторов, сквозь которое пробивались редкие и самые яркие звезды – на этом участке вечной битвы между природой и человеком величие летней ночи уступило позиции грозному индустриальному великолепию.

– Красиво, – сказал я.

– Жаль, что толком не видно звезд, – отозвался Адамов. – В августе и сентябре в наших широтах в ночном небе их тысячи тысяч. Мне однажды в конце сентября довелось побывать на Валааме, там ночью Млечный Путь сияет так, что дыхание перехватывает; Полярная звезда – будто кто-то прожектором светит на Землю, Большая Медведица – как на картинке в учебнике, кажется, можно заметить пунктирные линии, какими обычно соединяются звезды в созвездия на рисунках.

– У нас дома тоже летом небо красивое, – вздохнула Наташа. – И такое огромное, что чувствуешь, как оно землю охватывает.

– А вы откуда, Наташенька? – негромко поинтересовался Адамов.

– Я с Алтая, – печально ответила Наташа.

Мы помолчали немного, а потом я сказал:

– Помню, в детстве я смотрел на звезды и думал, что если вот сейчас прилетят оттуда инопланетяне и предложат улететь с ними, то соглашусь не раздумывая. Даже если никогда не вернусь больше обратно.

– Сколько вам тогда было лет? – спросил Адамов.

– Где-то десять или двенадцать.

– Ну, в двенадцать лет я бы тоже согласился лететь куда угодно.

– А я бы и сейчас не отказалась, – сказала Наташа.

Тревожный рубиновый свет семафора погас, вместо него зажегся дружелюбный зеленый. Поезд вновь содрогнулся протяжно, и Наташа заторопилась:

– Ой, мы поедem уже сейчас, надо двери закрыть!

Мы выбросили сигареты, и она заперла дверь, а потом мы все вместе вернулись в теплый, ярко освещенный вагон-ресторан с таким чувством, как если бы отсутствовали не один год, успев совершить полет к дальним звездам и обратно.

Ресторан почти опустел. От мрачного мужчины за дальним столом и

модника в стильном летнем пальто остались только несколько грязных тарелок, бокал и ведро с растаявшим льдом. За соседним столиком женщина в жемчужных бусах назидательно выговаривала своему визави:

– Согласись, он все это время очень тебя поддерживал: смягчил требования, пошел на снижение критериев качества, да и сам поучаствовал, когда испытания совсем в тупик зашли. Так при чем тут чьи-то интриги? Если ты уверен в продукте, просто докажи это экспериментально, поговори с технологами, может быть, нужно снова катализаторы применить, я не знаю...

Помятый мужчина вздохнул и соглашался.

Мы уселись за столик, Наташа отошла и вернулась с кувшином томатного сока.

– А садитесь с нами? – неожиданно предложил Адамов.

Она испуганно замахала руками:

– Нет, что вы, что вы! Мне же работать надо, я не могу!

– Наташа, какая работа? Три часа ночи и ресторан пустой, – возразил Адамов. – Только мы сидим да вот еще товарищи...

Он перегнулся через проход и строгим голосом осведомился у наших соседей:

– Товарищи, вы ведь не будете возражать, если девушка с нами посидит?

Те покосились, но возражать не стали.

– Ну, а если еще кто-то придет... – попыталась слабо сопротивляться Наташа.

– В три часа ночи? Выгоним! – пообещал Адамов. – Все, дело решенное! Берите себе, что хотите, мы угощаем, и садитесь!

– У нас тут интересно, – добавил я.

Наташа сдалась, принесла себе стаканчик апельсинового сока, куда Адамов тут же плеснул водки, мы сдвинули рюмки и выпили за расширение нашей компании.

– Вам знакомо имя академика Пряныгина? – спросил Адамов. – Нет? Как, и не слышали никогда? Стыдно, молодые люди! Иван Дмитриевич Пряныгин – это же глыба! Матерый человечище! Гениальный математик и физик-теоретик, академик, действительный член Академии наук, автор десятков монографий и бесчисленного множества статей, лауреат Сталинской премии, двух Ленинских премий и множества государственных наград. Человек пестрой и непростой судьбы: родился еще в Российской империи, в Ивангороде, потом вместе с семьей перебрался в город Ямбург – тот, что потом переименовали в Кингисепп. Еще студентом вел переписку

с Николой Теслой и Альбертом Эйнштейном, причем уже тогда критиковал последнего за идею космологической постоянной, которую впоследствии сам Эйнштейн назвал своей самой большой ошибкой.

Во время войны ушел в подполье, партизанил, за что потом парадоксальным образом получил десять лет лагерей, но освободился досрочно, был реабилитирован и вернулся к научной деятельности. Ни одно самое громкое, самое масштабное открытие или научный прорыв в области точных наук за последние пятьдесят лет не обошлись без участия Пряныгина, а сам он настолько обогнал свое время, что постичь суть его собственных изысканий могут разве что десяток-другой человек во всем мире. Человек стальной воли, острого ума, всегда на переднем крае научной мысли, он, в отличие от многих функционеров и администраторов от науки, в любой момент с мелом в руке у доски мог за десять минут поставить на место любого, кто бросит ему вызов, а уж вооруженный логарифмической линейкой в состоянии был разгромить и обратить в бегство десяток профессоров, пусть бы даже за ними стояли самые современные ЭВМ и десятки адъюнктов и аспирантов. Звание «ученик Пряныгина» значило больше, чем любая научная степень, а его самого привлекали как эксперта для решения самых значимых и спорных вопросов современной науки, и если уж Пряныгин одобрял проект, то никто не посмел бы сказать слово против, будь он хоть трижды партиец. Мало этого, Пряныгин прославился еще и как живописец, создающий монументальные и величественные пейзажи северных гор и морей, а также как поэт, укладывающий в стихотворные строфы самые сложные научные выкладки – наверное, потому стихов его никто не может понять, а некоторые не в состоянии и прочесть. Вот он каков, Пряныгин!

Мы с Наташей были под таким впечатлением от этого неожиданного панегирика, что немедленно с чувством выпили за неведомого нам доселе Пряныгина. Адамов тут же освежил содержимое наших рюмок и налил водки в Наташин стакан так щедро, что оранжевый сок побледнел, будто лишившись чувств.

– А он еще жив? – спросил я.

Адамов нахмурился:

– Неизвестно. Если и жив, то ему сейчас должно быть уже больше ста лет. Невероятно, конечно, но в отношении такого человека ни одно предположение не будет достаточно невероятным. Вообще, многое в личности Пряныгина окутано тайной. Например, нет практически ни одной его фотографии: единственный существующий фотопортрет датирован 1958 годом и кочует из книги в книгу и из журнала в журнал. О семье тоже

есть только противоречивые и разрозненные слухи: кто-то утверждает, что у него была жена и есть сын, ныне подвизающийся не то на военной, не то на научной стезе и сменивший фамилию, чтобы тень прославленного отца не осеняла его жизненный путь; кто-то, напротив, уверен, что, кроме родителей, из родственников у Пряныгина была только родная сестра, пропавшая во время гитлеровской оккупации Кингисеппа. Несмотря на масштаб деятельности, образ жизни он вел всегда замкнутый, а к началу девяностых годов и вовсе превратился в анахорета, работая в гатчинском Институте ядерной физики над совершенно секретным проектом, весь масштаб и значимость которого невозможно и осознать.

– Потрясающе, – признал я. – Но к чему вы это все рассказали?

– А к тому, – поднял палец Адамов, – что этот вот человек, который легко мог проигнорировать приглашение на самый значительный международный симпозиум и оставить без всякого ответа письма от маститых профессоров, этот гигант мысли и титан духа переписывался со школьником, тринадцатилетним мальчишкой из Ленинграда, причем едва ли не на равных. И мальчишкой этим был Савва Ильинский.

* * *

Савва Гаврилович Ильинский родился в 1949 году, в городе Северосумске, что в Михайловской области, далеко на Севере, у берегов холодного моря. Мать его, Леокадия Адольфовна Ильинская, была женщиной поистине выдающейся: из рода тех самых промышленников Ильинских, которые являлись одними из первых строителей и основателей города, актриса и даже, как утверждали некоторые – а у нас нет оснований тому не верить! – звезда местного драматического театра. В этом статусе она встретила начало Великой Отечественной войны и ушла добровольцем на фронт. Это само по себе поступок, для женщины – поступок вдвойне, а для двадцатидвухлетней подающей надежды актрисы, которая могла бы преспокойно пережить военное время в родном городе, по-прежнему выходя на сцену и лишь изредка выезжая на спокойные участки фронта в составе агитбригады, – и вовсе подвиг. Но молодая артистка Леокадия выбрала другой путь, который прославил ее в иной, по-настоящему драматической роли – она стала Лидой Ильинской, самой результативной и едва ли не единственной женщиной-снайпером Заполярья, героиней Северного фронта, воевавшей в составе разведроты, десятки раз ходившей за линию фронта вместе с диверсионными группами и уничтожившей в

полярных метелях, среди ледяных скал и заснеженных сопок без малого сотню фашистских офицеров и солдат. В родной город она вернулась с Победой, орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», осколочным ранением и званием старшего лейтенанта. Вернулась – и снова поднялась на подмостки местного театра. Никто из тех, кто не знал о фронтовом пути Леокадии Ильинской, не мог бы представить эту молодую женщину утонченной, интеллигентной красоты и большого таланта, блиставшую в образе Ольги из «Чайки» или Вари из «Вишневого сада», лежащей в засаде среди обледеневших камней, или ведущей снайперскую дуэль с егерями из горного корпуса «Норвегия», или вместе с армейской разведкой преодолевающей полярной ночью ограждения из колючей проволоки. В общем, Леокадия Адольфовна Ильинская обладала выдающейся силой духа и мужеством – и, может быть, именно поэтому сына растила одна.

Насколько известно, замужем она никогда не была, и личность некоего Гавриила, единственный след которого в жизни Саввы ограничился отчеством, осталась неизвестной. Сыну Леокадия Адольфовна, как водится, в зависимости от его возраста рассказывала разные истории об отце: в этих рассказах он побывал космонавтом, летчиком-испытателем, геологом, разведчиком-нелегалом, пока подросший сын, все поняв, не перестал ставить маму в неудобное положение расспросами о пропавшем папе.

Ребенком Савва был поздним, желанным и долгожданным, а потому и внимания, и особой, зрелой материнской заботы у него было в избытке, а по тем простым и суровым послевоенным временам, может, и чересчур много. Мать стремилась оградить его от дурных влияний и дурной погоды, болезней, опасностей, травм и мальчишеских бед – это свойственно сильным людям, пережившим страшное и желающим своей детям иной, благополучной судьбы. Вполне предсказуемо, что при такой материнской опеке Савва рос мальчиком тихим, замкнутым, не склонным к шумным играм и шумному обществу своих сверстников, что азартно колотили друг друга палками, вопящей толпой пинали потрепанный мячик на пустырях, строили города из грязи и веток или разыгрывали батальные сцены из недавних военных времен. Зато у него рано открылись способности к точным наукам и шахматам. В богатой домашней библиотеке Ильинских нашлись старые сборники занимательных задачек по физике и математике и большой том с разбором лучших шахматных партий прошлого века, и очень скоро Леокадия Адольфовна с радостным удивлением обнаружила, что ее пятилетний сын легко справляется с математическими загадками,

предназначенными для средней школы, а также без труда находит лучший ответ на сицилианскую защиту, оптимальное продолжение дебюта четырех коней или ставит мат королю за нужное количество ходов. Это открытие укрепило Ильинскую в давно напрашивавшемся решении: из города им придется уехать.

Послевоенный Северосумск был городом рабочим, серым, суровым, где в те времена, несмотря на наличие театра, библиотеки, Дома культуры и краеведческого музея, электрическое уличное освещение работало только на одном центральном проспекте, больше половины жителей обходились без водопровода, и, что важно, не было ни одной школы с десятилетним образованием. Представить себе, что сын отучится семь лет вместе с хулиганистыми ребятами из Слободки, а потом за компанию с ними отправится в одно из местных ремесленных училищ, Леокадия Адольфовна не могла. Способности к физике и математике, очевидно, нуждались в развитии в каком-нибудь хорошем специализированном заведении. Нужно было срочно что-то предпринимать.

Ильинская была женщиной высокого чувства собственного достоинства и той особенной, истинно аристократической гордости, которая для своего удовлетворения не требует унижать других, расталкивать локтями очередь, криком требовать привилегий, подличать и врать ради собственной выгоды, а менее всего позволяет просить, что все вместе приводит подчас к отсутствию в жизни того, что обычно зовется успехом. Но сейчас ради сына Леокадия Адольфовна собиралась именно просить, а потому надела боевые награды, собрала необходимые документы, пристроила Савву на несколько дней к своей двоюродной сестре и отправилась плацкартным вагоном в Ленинград.

Первое, что ей требовалось, – это работа. Перевестись из провинциального театра в едва ли не столичный было практически невозможно, но у Леокадии Адольфовны не имелось иной специальности, кроме актерской, если не считать ремеслом умение попасть из винтовки точно под нижний край вражеской каски – за сто пятьдесят метров, зимой, снежной ночью. В крайнем случае она была готова устроиться хоть уборщицей, но обошлось: помогли боевые заслуги, рекомендация из горкома партии, несомненный актерский талант, собственная настойчивость и просто удача, так что в итоге у нее получилось договориться о работе по временному трудовому договору с начала следующего сезона в театре на Владимирском проспекте.

Кроме трудоустройства, нужно было решить вопрос с жильем. Полумеры в виде сомнительного съемного угла не годились: требовалась

квартира с ленинградской пропиской, без которой нечего было и думать устроить сына в школу или перейти с временной на постоянную работу в театре. Леокадия Адольфовна затеяла междугородний обмен. Это и без того непростое мероприятие – заранее заказанные звонки между городами из телефонных будок на местной почте, письма, телеграммы, поездки – затянулось на долгие десять месяцев, потому что в 1956 году желающих переехать из Ленинграда в Северосумск было не больше, чем сегодня. В итоге на прекрасную двухкомнатную квартиру рядом с театром в самом центре города удалось выменять жилище в Озерках, тогда – дальней ленинградской окраине. Там на Поклонной горе еще высилась каменная остроконечная башня бывшей дачи тибетского знахаря Бадмаева; чуть поодаль виднелся лишенный креста пузатый зеленый купол приютившей баптистов Троицкой церкви; в низине под склоном горы лежали тихие пруды и небольшие озера; на узких улочках, среди заросших садов за калитками с неперемнной табличкой «Осторожно, злая собака!», прятались деревенские домики, и трамваи разворачивались на кольце, пробираясь между густых кустов черемухи и сирени, деревьев и штакетных заборов. Несколько больших двухэтажных домов, бывших некогда дачами врачей или чиновников средней руки, – трогательный русский модерн начала века, веранды, застекленные двери, мезонины, башенки и балконные ниши ныне были приспособлены под общественное жилье и разделены на три или четыре квартиры. Вот в такой дом и въехала Леокадия Адольфовна с сыном, получив в свое распоряжение большую квадратную комнату на втором этаже, застекленную маленькую веранду, насквозь промерзавшую холодными зимами, и крошечный мезонин, где Савве устроили комнату для занятий. Отопление было печное, воду набирали из колонки на улице, туалет находился на заднем дворе, в баню по субботам ходили за километр и не убирали далеко керосиновые лампы и свечи, не доверяя частенько отключающемуся электричеству. Не лучшие условия для не отличавшегося крепким здоровьем Саввы, но у его мамы была высшая цель, к которой она продолжала идти со свойственным ей упорством.

Целью этой была школа для сына, и не абы какая – что за смысл был бы тогда в переезде? – а лучшая математическая школа в городе при Физико-техническом институте.

Попасть туда, разумеется, было непросто, и вовсе не из-за вступительных испытаний.

Школа считалась элитной – насколько это слово было уместно в середине советских пятидесятых – не только потому, что основные

дисциплины там преподавали лучшие учителя города и не из-за углубленного изучения точных наук, но главным образом по причине престижа, дисциплины и контингента. Никакой шпаны там не было и быть не могло; учебные места предполагалось распределять среди одаренных детей из разных районов города, но, как правило, они разбирались «ответственными работниками» для своих детей, которым математика с физикой были интересны так же, как Савве – биатлон. В результате из двух классов на параллели один формировался исключительно для учеников из семей высокопоставленных служащих, а на каждое место во втором претендовали дети самих педагогов, их родственников, друзей и знакомых, так что математическим дарованиям, даже при условии блестяще пройденных испытаний, без дополнительной весомой поддержки рассчитывать было не на что. Но Леокадия Адольфовна подготовилась к финальному собеседованию с директором школы, и в обмен на сезонный театральные абонемент Савва Гаврилович Ильинский в 1956 году был зачислен в 1 «Б» класс специализированной школы при Физико-техническом институте.

Человек способен свыкнуться с любыми условиями, а привыкнув, и полюбить, какими бы трудными они ни были. Эта высокая адаптивность как важная черта человеческого существа когда-то помогла победить в эволюционной борьбе; не исключено, что она же когда-нибудь поставит крест на человечестве как биологическом виде. Леокадия Адольфовна очень быстро привыкла к суровым условиям быта, тем более что в сравнении с передовыми позициями 14-й армии в Заполярье дом в Озерках был истинным санаторием, а Савва пребывал еще в том возрасте, когда ребенку хорошо везде, где есть мама. Бывшую дачу с ними делили печальные потомки не то фрейлины, не то камергера, сумевшего убежать от революционного шторма и сделавшего это столь стремительно, что впопыхах позабыл здесь половину семейства; жена и две дочери репрессированного врача, занимавшие комнаты на втором этаже по соседству, и вдовая пропитчица шпал Люда Лебедева, которая благодаря дюжим плечам, яркой харизме и отсутствию сопротивления усвоила себе роль неформального лидера, старосты и начальника по режиму. Ее было ввели в заблуждение интеллигентная внешность и артистическая профессия Леокадии Адольфовны, но после разговора по душам где-то на заднем дворе, между дровяником и сортиром, она осознала свою оплошность, заявила, что «мы с Лидкой – свои в доску!», и с энтузиазмом помогала при случае носить ведра с водой или щепить на лучину поленья. Когда через восемь лет Леокадия Адольфовна с Саввой покинули дом в

Озерках, суровая пропитчица Люда провожала их, рыдая, будто ребенок.

Это только на первый взгляд кажется, что восемь лет – очень долгий срок. Годы порой летят куда быстрее часов, проведенных в ожидании, или серых унылых дней, особенно если время подчинено устоявшемуся и неизменному распорядку. Только и успеваешь замечать, как меняются времена года.

Все восемь лет каждое утро мама и Савва выходили на трамвайную остановку: в совсем темное еще зимнее время, когда на морозном небе пылают ледяным пламенем яркие звезды, а воздух похож на иссиня-прозрачное замороженное стекло, и так приятно сесть после долгого ожидания в теплый уютный трамвай и долго ехать, прочерчивая варежкой

узенькие окошки на заиндевевшем стекле; или нежным и светлым весенним утром, когда поют первые птицы и деревья подернуты легкой дымкой распускающейся зелени; или багряно-рыжей, роскошной золотой осенью, когда дожди и ветер еще не оборвали огненную, тяжелую листву со старых деревьев и Озерки укутаны красным и желтым. Только трамваи менялись – на смену одноглазой «американке» с деревянными лавками пришел сине-желтый «стиляга» с глазами столичной модницы и сиденьями такими мягкими, что мало у кого дома были такие же мягкие диваны и кресла.

В школе, как и следовало ожидать, дела шли отлично. Мама сперва несколько волновалась, что замкнутая натура сына помешает ему в общении с одноклассниками, но тревоги оказались напрасны: Савва прекрасно ладил со всеми, причем не только из своего класса «Б», который сами ученики иронически расшифровывали как «беднота», но из класса «А», где училась или делала вид, что учится, «аристократия» – ладил, но ни с кем не дружил. Если бы потребовалось описать его одним словом, то следовало бы сказать «спокойный»; это не была флегматичность эмоционально бедного человека или патологическое безразличие аутиста, нет. Это было какое-то особое, осознанное спокойствие человека, который чем старше становится, тем больше убеждается в том, что все в мире идет так, как надо: не правильно или хорошо, а именно как надо, как если бы и хорошее, и плохое, и радостное, и страшное, и горькое, и веселое – все было частями единого, слаженного и прекрасно сбалансированного целого, захватывающую природу которого еще только предстояло постичь. В тринадцать лет он увлекся астрономией и астрофизикой, потом, ведомый своим стремлением раскрыть таинственную гармонию мира, занялся космологией и вот именно тогда впервые написал академику Пряныгину, не особенно рассчитывая на ответ. Но ответ вдруг пришел – в конверте со множеством штампов и марок, упал в помятый почтовый ящик на калитке перед старым домом, и началась переписка, продолжавшаяся более двадцати лет. Ночами на узких Озерных и Десятичных улицах слышны были лай или пьяные крики, где-то играла гармонь, нестройные голоса то тянули тоскливые песни, то срывались в долгую перебранку, а за светящимся окном мезонина школьник Савва Ильинский выводил железным пером строки и формулы в безмолвной беседе с одним из величайших умов современности.

Безусловно, по всем основным предметам он успевал блестяще; преподаватели точных наук при каждом удобном случае восторженно отзывались о нем, предсказывая Леокадии Адольфовне большое научное

будущее сына. Но у нее было свое видение судьбы Саввы, и, когда он сообщил о намерении учиться на астрофизика, мама его отговорила. Ну что за профессия такая – астрофизик? Какие у него перспективы – сидеть сиднем на кафедре в институте, преподавать и писать статьи до конца своих дней? И Леокадия Адольфовна настояла на прикладной математике – специальности, как ей справедливо казалось, близкой к инженерному делу, а люди, которые способны создать или изобрести что-то практически ценное, всегда будут нужнее, чем ученые-теоретики.

Вступительные экзамены на факультет прикладной математики были сданы с успехом столь ошеломительным, что принимавший их преподаватель одной из кафедр позвал нескольких своих коллег, чтобы показать им, как фантастически ловко вчерашний школьник берет двойной интеграл по поверхности. Не стоит и говорить, что успехи Саввы в учебе были исключительны, защита диплома стала преддверием кандидатской по теме, связанной с проблематикой векторного поля в четырехмерном псевдоевклидовом пространстве сигнатур, и диссертация его прогремела событием в ученом мире не только Ленинграда, но и всей страны. Конечно же, Савве настойчиво предлагали остаться в университете для продолжения научной работы, но мнение мамы оказалось весомее доводов профессуры; а может быть, Савва просто знал, как все должно быть и как надо делать, а потому после досрочного окончания аспирантуры он передал свою дальнейшую карьеру на волю судьбы и превратностям распределения молодых специалистов.

К тому времени они с мамой давно переехали в прекрасную квартиру в «сталинском» доме на Приморском проспекте – две просторные комнаты, третий этаж, терраса, окна на Большую Невку и парк, два шага до Аптекарского острова, – которую в театре выбили для Леокадии Адольфовны через исполком. Мама продолжала актерскую службу, сменив роли юных и вздорных прелестниц на образы сильных разочарованных женщин, и по утрам они больше не ездили вместе: Леокадию Адольфовну трамвай увозил через центр на Владимирский проспект, а Савва на чумазом автобусе ехал на Васильевский остров, в НИИ связи ВМФ – лучшее место для практически ценных и востребованных изобретений.

Впрочем, до них оставалось еще почти десять лет; в 1973 году Савва Гаврилович Ильинский поступил младшим научным сотрудником в расчетный отдел, занимавшийся вычислениями для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ различных отделов и лабораторий, а через семь лет он, сам ни мало к тому не стремясь, возглавил этот отдел, хотя десяток молчаливых инженеров-операторов

ЭВМ и одна ассистентка без всякого возглавления знали свое дело. Это была очень хорошая работа: спокойная, размеренная, полностью подчиненная процедурам и, что самое главное, не отнимающая почти никаких интеллектуальных сил, и на долгие годы Савва мог спокойно погрузиться в собственные исследования, которым отдавал большую часть своего времени. Если кратко, то он работал над единой теорией всего.

* * *

3.03 – 3.03

– Какая мама замечательная, – всхлипнула Наташа. – Вот и сын потому такой вырос, успешный и гениальный! Надо же, изобрел теорию всего!

Она шмыгнула носом и с чувством сделала большой глоток водки с соком.

– Наташа, а вы знаете, что это такое? – поинтересовался я.

– Конечно! Это теория...ну, как... в общем...обо всем. – Она порозовела, смутилась и засмеялась: – Я просто не знаю, как объяснить.

– Наташенька, не стесняйтесь, этого никто не знает, – заметил Адамов. – Подозреваю, что и те, кто ею занимаются, тоже. А если пытаются объяснить, то выходит не лучше вашего. Я уже говорил, что в последние годы довольно много читаю и пришел к выводу, что доказательная наука закончилась еще в девятнадцатом веке, а постижимая для обывателя – в прошлом, хотя некоторые достижения и выводы научной мысли века позапрошлого тоже трудно постичь человеку неподготовленному. Взять, к примеру, измерение скорости света. Как эту величину измерил Физо при помощи полупрозрачной пластинки, водопроводных труб и интерферометра, мне постичь не дано. Кстати, сделал он это в 1851 году, когда среди прочих достижений просвещенного человечества, скажем в Англии, можно отметить сокращение продолжительности детского труда с двенадцати до десяти часов в день и запрет брать на некоторые работы девочек младше шести лет. Но этот опыт хотя бы принципиально понятен при небольших усилиях и познаниях в физике и математике. Но вот в первой четверти двадцатого века рождается теория относительности, а ее понять и объяснить гораздо труднее.

– Я знаю, знаю! – закричала Наташа. – Эйнштейн! Е равно эм цэ квадрат!

– Браво! И что это значит?

– Так, сейчас!

Наташа выхватила из кармана смартфон и принялась тыкать пальчиками в экран.

– Честно говоря, помню только про связь гравитации, пространства и времени, – признался я.

– Что очень неплохо по нынешним весьма скромным меркам, – отозвался Адамов. – Сейчас для того, чтобы прослыть интеллектуалом, довольно не путать Гоголя с Гегелем или хотя бы просто знать, кто это такие. А уж внятно изложить теорию относительности... Но подождем, что Наташа нам скажет.

– Ничего себе, их, оказывается, две, – удивленно сообщила Наташа. – Нам какая нужна?

– Пусть будет специальная.

– Ага! Теория, описывающая универсальные пространственно-релятивистские свойства физических процессов, – прочитала Наташа, растерянно посмотрела на нас и добавила почти с отчаянием: – Иногда используется как эквивалент понятия «релятивистская физика».

– Ну вот, все встало на свои места, не правда ли? – удовлетворенно произнес Адамов. – Если углубиться в обсуждаемый предмет, то математический аппарат, доказательная база и выводы будут уже на грани понимания человека хороших способностей к точным наукам. Но здесь хотя бы есть некое общее согласие научного сообщества, которое мы принимаем как доказательство состоятельности этой теории, слабо понимая ее суть и почти не осознавая области ее практического применения. Но во всем остальном, что составляет известные обществу теоретические выводы передовой науки, мы имеем дело с гипотезами, в той или иной степени принятые большинством ученых, которые в состоянии в них разобраться, популяризированы для широких народных масс и пока не опровергнуты в достаточной степени убедительно тем научным меньшинством, которое этими гипотезами не согласно. Вот, например, претендующая на объяснение происхождения Вселенной пресловутая теория Большого взрыва, к слову сказать, впервые предложенная почти сто лет назад бельгийским аббатом Леметром. Если вдуматься, это же ни в какие ворота! Для начала представьте себе состояние отсутствия пространства, что уже практически невозможно для человеческого разума, который существует исключительно и только в пространственных измерениях. Добавьте к этому отсутствие также и времени. И вот в этом абсолютном нигде и никогда тем не менее находится некая протокапля, размером в миллиардную долю протона, которая вдруг взрывается, расширяясь с умопомрачительной скоростью, порождая и это самое

пространство, и все, что есть в нашей Вселенной, менее чем за три минуты. Для таких интеллектуальных эскапад маловато одной математики, нужно иметь еще и фантазию, много превосходящую самое бурное воображение метафизиков и теологов. Вообще, я считаю, что самая богатая фантазия именно у ученых, ибо представить себе отсутствие пространства, частицу с отрицательной массой или хотя бы просто расстояния в миллиарды световых лет куда сложнее, чем единство Троицы или какой-нибудь эгрегор. Про доказательность в доступной для простого человека форме, как вы понимаете, речи и вовсе идти не может. Наука, с юношеским задором высмеявшая седую религию и бесцеремонно отодвинувшая в сторонку философию, самонадеянно взялась объяснить всё Мироздание, но зашла в итоге в такие ментальные дебри, что давно перестала быть сколько-нибудь понятной для обывателя. В науку сейчас можно только верить совершенно так же, как в религиозные догмы. Дело дошло до того, что и сами ученые не всегда могут определить, где заканчиваются приемлемые гипотезы и предсказания, а где начинается откровенный бред. Что уж говорить про обычных людей, которым, по логике вещей, эта наука и должна открывать глаза на суть всего мироустройства. В сторону пыльные тысячелетние манускрипты религиозных томов – мы же не дети и не глупцы, чтобы верить в сказки про старика на облаке! Что, про старика на облаке ни в одном религиозном тексте не сказано? Все равно прочь! Отойдите и вы, философы, не мешайте своим невразумительным бормотанием про Образ Всеединства и Зов Бытия! Слово науке, вот сейчас всё, наконец, станет ясно! Тишина, публика приготовилась внимать почтительно тайнам. Юная, но вполне уверенная в себе наука выходит под свет софитов и изрекает... Вот, подождите-ка, я выписки себе сделал, для памяти.

Адамов кое-как нацепил очки, полез в боковой карман пиджака, достал потрепанного вида толстую тетрадь в черном переплете, полистал желтоватые исписанные страницы, поднял палец вверх и громко, с выражением прочитал:

– «Гетеротическая струна состоит из замкнутой струны, у которой два типа вибраций, по часовой стрелке и против, которые рассматриваются по-разному. Вибрации по часовой стрелке существуют в десятимерном пространстве. Вибрации против часовой стрелки существуют в 26-мерном пространстве, из которых 16 измерений ком-пак-ти-фи-ци-ро-ваны». Каково?!

– Потихе, – попросил я. – Мы людям разговаривать мешаем.

– Или вот, – продолжил Адамов, не обращая на меня внимания, – «две

мембраны, которые образуют стены пятого измерения, могли внезапно появиться из небытия, как квантовая флуктуация в еще более отдаленном прошлом, а затем разойтись». И во что, скажите, верить простому, не отягощенному специальными знаниями человеку? В Бога, ментальный конденсат эгрегора или появляющуюся из небытия мембрану в пятом измерении? Ну что ж, вздыхает обыватель, зато не религия, и идет читать гороскоп на неделю, ничем не отличаясь в своих реакциях от, скажем, древнего грека, выслушавшего совершенную белиберду в исполнении жреца Дельфийского оракула.

Наташа засмеялась, очаровательная в своей искренней непосредственности.

– А зачем тогда все это пишут, раз никто все равно не может понять?

Адамов спрятал книжку, снял очки и серьезно взглянул на нее:

– Я тоже когда-то задал себя этот вопрос. Миллионы и миллиарды дотаций, грантов, вложений в невероятные по размерам ускорители элементарных частиц, которых, к слову, никто и никогда не видел и увидеть не сможет физически, – зачем? Чтобы на выходе получить выкладки про «воображаемое время», «очарованные кварки» или 26-мерную струну? Грешным делом, по приземленной милицейской привычке, подумал даже, что это просто способ деньги отмыть, ну, как одно время принято было отмывать миллионы наркокартелей через покупку за сумасшедшие деньги какой-нибудь аляповатой мази, которую ангажированные искусствоведы и критики назначали живописным шедевром. Но нет. Дело в том, что, пробираясь сквозь совершенно непроходимые для неподготовленного человека ментальные дебри в погоне за вечно ускользающим многомерным Святым Граалем истины, ученые временами находят и приносят в мир удивительные и практически применимые изобретения – и их внедрение теоретически позволяет окупить сделанные вложения. В шестнадцатом веке королю Рудольфу Второму, который покровительствовал оккультистам и алхимикам, возможность пополнить казну при помощи производства золота из глиняных черепков и помета или обрести эликсир бессмертия уж точно была важнее, чем духовные изыскания внутренней алхимии и рассуждения о трансмутации человеческой природы.

Вот вы спросили, что такое единая теория всего. Формально и очень упрощенно – это непротиворечивое объединение теории относительности и квантовой теории. Такое объяснение, очевидно, дела не проясняет, так, ярлык, который можно навести на явление, прочесть его и успокоиться. Но если попытаться определить суть и значение, как я их понимаю, то единая теория всего – это философский камень современной науки,

попытка полностью и исчерпывающе объяснить Мироздание, а значит, получить возможность предсказывать любое событие с абсолютной точностью и, более того, влиять на материальный мир на уровне его основных, глубинных механизмов, а то и не только материальный. Это как поймать Бога за бороду и потряхивать периодически, выпрашивая подарки и предпочтения. Пьер Лаплас еще в начале девятнадцатого века предложил, как принято у ученых, некий теоретический мысленный эксперимент. Согласно ему, для существа, которому в любой момент времени известны все силы, приводящие природу в движение, и положение всех частиц, из которых она состоит – а это и есть цель совмещения релятивистской и квантовой физики, – так вот, для такого существа не было бы ничего неясного, будущее выглядело в его глазах так же, как и прошлое, любые пространственные измерения перестали бы иметь значение, а время замерло в одной точке. Забавно, что называется такое существо «демон Лапласа».

– Демон Лапласа, – отозвался кто-то эхом из-за соседнего столика.

Наступило молчание. Адамов, погрузившись в раздумья, сидел, покачивая головой, в такт мыслям и стуку колес.

– Какая мама у Саввы замечательная! – всхлипнула Наташа и сделала большой глоток водки с соком. – Вот и сын потому такой вырос, успешный и гениальный! Надо же, изобрел единую теорию всего!

Мы молча переглянулись. За окном проносилась однообразная мятущаяся темнота и острые зазубренные силуэты черных гигантских елей мелькали на фоне ночного неба как пики бесконечного циклического графика. Монотонно и глухо колотили колеса, повторяя однажды заданный ритм. Было светло и тихо. Адамов задумчиво покрутил в пальцах ножку водочной рюмки, хотел что-то сказать, осекся, подумал еще немного и ответил:

– Ну, вообще-то я до сих пор не уверен, что Ильинскому это удалось. Но некоторые следствия из его теоретических изысканий получили интересное практическое применение.

Глава 6

Универсальная бинарная волна

Западная оконечность Васильевского острова была не похожа на другие окраины Ленинграда: ни кое-как застроенных многоэтажками диких, изрытых бульдозерами пустырей, ни деревенских домиков в заросших палисадниках за покосившимися заборами, ни продуваемых всеми ветрами тоскливых железнодорожных платформ. Да и что за окраина такая, если всего в нескольких километрах восточнее – дома позапрошлого века, городской центр, изрытый проходными дворами, институты, старинные храмы, учреждения, магазины, а еще чуть подальше – Университет, здание Биржи, стрелка Васильевского, ростральные колонны и Дворцовый мост. Тем удивительнее было выходить из новой станции метрополитена «Приморская» и чувствовать, словно попал на край света: широкий пустынный простор, дыхание моря и совсем близко сквозь серую дымку виден Финский залив, к которому спускается длинный пологий берег, растворяясь в холодных свинцовых волнах.

Чуть левее метро среди старых деревьев и густого кустарника вилась речка Смоленка, по обыкновению всех ленинградских речушек изгибающаяся и распадавшаяся на узкие, похожие на ручьи рукава, перед тем как влиться в залив. Впрочем, чуть дальше, за Наличной улицей, эти вольности природы были обузданы жестким камнем совсем новых набережных, и стиснутая ими река текла до залива по геометрически четкой прямой, как новобранец, расставшийся с длинными кудрями, гитарой и клёшем и затянутый до потери дыхания в солдатскую форму с иголочки. Но до Наличной берега островков, разделенных протоками такими узкими, что кусты на одном берегу сцеплялись ветвями с кронами своих визави на другом, оставались нетронутыми, поросшими ивами, а местами вдоль них сохранились остовы старинных лодочных пристаней, обломками почерневших досок торчавшие из подернутой ряской тихой бурой воды.

На одном из таких островков располагался НИИ связи Военно-Морского Флота.

То ли место влияло, то ли так задумано было странным гением неведомого архитектора, но воспринималось здание необычно: сначала на просторную площадку у входа выступал из зарослей низкий серый фасад

без окон и пологие, широкие ступени, ведущие к двойной тяжелой двери под массивным бетонным навесом, так что с первого взгляда строение напоминало огромный противоатомный бункер. На несколько шагов ближе – и вдруг становился заметен неправдоподобно огромный, грязно-белый, иссеченный дождем и ветрами шар антенного поля, похожий на декорацию к научно-фантастическому фильму, еще ближе – и вот уже выступает из туманного небытия серый монолит двенадцатиэтажной плиты с безликими окнами, теряющийся в небесной дымке. Шаг, другой, третий назад – и исчезнет сначала высокий корпус главного здания, потом белый шар, а потом и фасад скроется за деревьями, вопреки всяким законам физики, вероятности и перспективы.

Если подняться вверх по ступеням, потянуть на себя открывающиеся с натугой массивные высокие двери, пройти скучный изжелта-серый коротенький вестибюль с выцветшими машинописными приказами и блеклыми плакатами на информационных досках, миновать пост охраны с двумя бдительными дежурными в форме, подняться еще по одной лестнице и пройти длинным, очень длинным сумрачным коридором с истертым линолеумом и казенными голубоватыми стенами, а потом, в самом конце, у пыльного зарешеченного окна толкнуть дверь налево, то можно попасть в расчетный отдел – небольшой кабинет при огромном машинном зале, заставленном десятками напряженно работающих ЭВМ ЕС 10/33 колоссальной вычислительной мощности, вряд ли в совокупности превосходящей возможности процессоров современных смартфонов. Здесь, среди неспешно вращающихся катушек широкой магнитной ленты, мигающих датчиков, черно-зеленых экранов и километров сложенной гармошкой перфорированной бумаги, за невзрачным столом в углу кабинета, располагалось рабочее место Саввы Ильинского: начальника отдела, кандидата наук, старшего научного сотрудника, одного из немногих гражданских специалистов НИИ.

* * *

С Женей Гуревичем они познакомились осенью 1981 года. Ну, как познакомились: разумеется, им приходилось встречаться и раньше, перебрасываться парой слов по работе, здороваться в коридорах, но до какого-то другого общения дело не доходило. В тот день Гуревич с утра прибежал к Савве в отдел с материалами для расчета. Тот принял утвержденную заявку, толстую пачку перфокарт, сопроводительные

таблицы, просмотрел бегло, сделал пометку в журнале и сообщил:

– Завтра во второй половине дня будет готово.

Но вышло так, что сроки по проекту, к которому должны были прилагаться результаты расчетов, не просто сгорели, а уже и обуглились: через два дня был назначен ученый совет в присутствии самого начальника института контр-адмирала Чепцова, где Гуревичу предстояло делать доклад, и он взмолился:

– Савва, старичок, а нельзя как-то раньше?

Ильинский покачал головой:

– Слишком много разрозненных данных для определения зависимости переменных, вычислительного ресурса не хватит, машина быстрее просто не справится. Да и очередь у нас.

Гуревич чуть не взвыл:

– Дружище, у меня край, без ножа режешь! Неужели нельзя как-то, ну хоть примерно, а?

«Хоть как-то» и «примерно» Савва никогда и ничего не делал, да и не собирался. Но тут покосился на всклокоченного Гуревича, подумал немного и предложил:

– Зайди часа через три, а лучше после обеда. Я посмотрю, что можно сделать.

Гуревич умчался, разрываясь между отчаянием и надеждой. А когда вернулся, то Савва вручил ему краткий, емкий расчет зависимых переменных с прогнозом. Гуревич глазам своим не поверил:

– Но как?!

Савва пожал плечами:

– Как обычно, через полиномиальную регрессию.

– Вот я и спрашиваю, как?!

– У машины много времени занял бы выбор правильной матрицы. Я попробовал найти сам. Ну и вот, получилось взять верную регрессию с первого раза.

– Как?!

– Просто увидел.

Это было похоже на чудо, но Женя Гуревич был человеком разумным и в чудеса не верил. Зато сразу сообразил, что перед ним гений, а гениями не разбрасываются.

– Савва, большое тебе человеческое! С меня причитается. Что пьешь?

– «Байкал».

– Ладно, давай хотя бы пообедать сегодня вместе сходим, договорились?

Савва согласился. Так у него появился первый в жизни друг.

* * *

Гуревич был на два года младше Саввы, работал старшим научным сотрудником в одной из лабораторий отдела, занимавшегося системами РЭБ, и во многом являлся полной противоположностью своего нового друга. Савва был среднего роста, одевался как человек, которому довольно того, чтобы выглядеть порядочно и опрятно; черты лица его, присмотревшись, можно было бы назвать правильными, даже аристократичными, но вел он себя так, что никому и в голову не пришло бы присматриваться, и обыкновенно больше молчал, погруженный в собственные размышления. Не то дело Гуревич: высокий, атлетичный, длинноногий красавец, всегда броско, но со вкусом одетый, ироничный красноречивый умница и прекрасный разносторонний спортсмен – мастер спорта по шахматам и по плаванию. Кроме этого, он обладал выдающимся даром налаживать отношения, устанавливая связи, вызывая симпатию, входить в доверие, быть убедительным и вообще нравиться людям, что вместе взятое, как хорошо известно, является важнейшими умениями для каждого человека, который хочет преуспеть в жизни, равно как и напротив: отсутствие этих качеств способно погубить самый яркий талант, сколько бы он ни пытался сам пробивать себе дорогу через равнодушие и неприязнь окружающих. Для большинства подчас хватает одних только способностей к коммуникации, чтобы неплохо устроиться, но Гуревич, ко всему прочему, был действительно выдающимся инженером, имел больше двухсот авторских свидетельств и по праву претендовал на должность заведующего лабораторией – для начала. Его вели вперед амбициозность, личное обаяние, находчивость и дипломатическое искусство игры по принятым правилам: при всем своем внутреннем диссидентском нигилизме и интеллигентской насмешливости над идеологическими установками Гуревич был не превзойден в жанре выступления на партсобраниях, демонстрируя политическую подкованность и безупречную идейную грамотность. Савва же к общественному признанию не стремился вовсе, а на собраниях не выступал и не присутствовал по той причине, что был беспартийным; это, с одной стороны, полностью исключало возможности для серьезной карьеры, но с другой – избавляло от множества хлопот и участия в подковерной борьбе, неразрывно связанной с реализацией карьерных амбиций.

Вся семья Саввы, как известно, состояла из двух человек: он и мама. Семейство Гуревича было обширным и шумным и состояло сплошь из людей, кое-чего добившихся в жизни: отец – ученый, профессор, начальник кафедры металлургии в Горном институте; старший брат – физик-ядерщик, работающий в Новосибирской академии наук; из двух младших сестер одна – переводчик, замужем за дипломатом, укатившая вместе с ним не то в Африку, не то еще дальше, вторая сестра – искусствовед, а ее муж – подающий надежды молодой врач, проходящий интернатуру в хирургическом отделении Первого медицинского института. Все они: папа, сестра с мужем и пятилетним сыном, сам Женя – жили в «сталинском» доме на Московском проспекте, в огромной четырехкомнатной квартире, где безраздельно царила громогласная мама Циля, перед которой робели и тушевались и профессор, и наезжавший в гости домой доктор наук, и кандидат, и уж тем более приبلудный интерн. Кроме этих членов семьи из ближнего круга, у Гуревичей едва ли не еженедельно гостили какие-то родственники, многие из которых словно материализовывались из небытия: троюродные, неведомые раньше племянники из Бобруйска, давно казавшаяся потерянной четвероюродная многодетная сестра из Харькова, еще какая-нибудь седьмая вода на киселе из-за Урала – все звонили, радостным криком пробиваясь сквозь скверную связь дальних междугородних линий, потом приезжали, таща за собой чемоданы, сумки, узлы и сопливых детей, и непременно получали стол и кров в этом шумном, гостеприимном доме.

Когда Савва впервые пришел к Гуревичам в гости, то прямо с порога на все пять его чувств обрушился ошеломляющий вихрь: густой дух тушеных голубцов и кипящего масла, в котором жарились пирожки с печенкой, запахи кипяченого белья, крахмала, какой-то детской мази от диатеза; надсаживающиеся звуки радио и басовое бормотание включенного на полную громкость телевизора, стремящиеся перекричать друг друга голоса, ведущие не то перекличку, не то перепалку через всю квартиру из кухни до дальней комнаты, и настойчиво дребезжащий длинными трелями телефонный звонок; разноцветные африканские маски на стене в коридоре, треск вьетнамских бамбуковых занавесок, невообразимо яркий халат мамы Циля, объятия, рукопожатия и чувствительный удар в голень бампером большой красной пожарной машины, которую с громом и дребезгом катал по паркетному полу маленький Вениамин. В тот первый день Савва чуть сознания не лишился от непривычного обилия впечатлений, гомона, разговоров, эмоций, а главным образом, от угощения столь изобильного, что после него трудно было не только что встать из-за стола, но и просто

дышать.

Но при всей разности Савву и его друга кое-что объединяло. Например, оба были холостяками, хотя и по разным причинам.

Холостяк Гуревич искренне, можно сказать, самозабвенно любил женщин, и они с энтузиазмом отвечали ему взаимностью. Незамужняя – да и замужняя тоже, что уж таить грехи, – прекрасная половина коллектива НИИ видела его в томных мечтаниях, которые порой воплощались в жизнь, пусть даже и ненадолго. Гуревичу хотелось дарить женщинам восхитительные истории любви, а не унижать их таинственного очарования пошлостью совместного быта. Все прекрасно знали и понимали, что в финале этих историй не маячит белое платье и не звучит марш Мендельсона, но все равно сдавались перед неотразимым мужским обаянием, отчасти сознательно поддаваясь манящему искушению, а отчасти желая попытаться силы там, где потерпели фиаско многочисленные конкурентки, – так альпинист решается на почти безнадежное восхождение по неприступному склону, сплошь усеянному телами несчастливых предшественников. Но вершина не покорялась. Гуревич считал, что вставать из-за стола нужно с чувством легкого голода, а заканчивать отношения – с ощущением такого же легкого сожаления, сохраняя в памяти прекрасные мгновения близости, а не упреки и брань запоздалого расставания. Мама Циля не слишком печалилась холостяцким статусом своего младшего сына: старший, Владимир, и две дочери уже обеспечили ей в совокупности пятерых внуков, чего было вполне достаточно для того, чтобы чувствовать себя состоявшейся бабушкой.

А вот мама Леокадия внуков дождаться почти не надеялась.

* * *

И это ее, безусловно, заботило.

Савва своим одиночеством был доволен и озабоченности по этому поводу не проявлял. Нет, он не избегал женщин, не пугался их общества, не стеснялся и не терял в их присутствии дара речи – просто, казалось, не интересовался интимными отношениями, вот и все. Мама предпринимала меры: периодически приглашала домой своих театральных знакомых вместе с дочерьми на выданье, устраивала посиделки: зимой – в их уютной гостиной, летом – на полукруглой террасе с видом на речку и парк, знакомила с Саввой. Он всегда бывал безукоризненно вежлив, внимателен, при всем своем немногословии охотно общался на разные темы, вообще

был безупречен в роли сына хозяйки, принимавшей гостей, но и только. Когда все разошлись и Савва помогал маме убирать со стола, Леокадия Адольфовна обычно замечала что-нибудь вроде:

– Какая милая эта Лидочка! Умненькая такая, учится в Педагогическом, и красавица, правда?

Савва соглашался – да, милая, что уж тут спорить.

– Ты знаешь, – понижала Леокадия Адольфовна голос до заговорщического, – мне кажется, ты ей понравился. Я заметила, как она на тебя смотрела. Вот, кстати, у меня номер телефона записан. Может быть, позвонишь ей, куда-нибудь сходите?

Сын аккуратно переписывал номер, но никогда не звонил: ни Лидочке из Педагогического, ни Анечке из Технологического, ни даже Агате из Театрального, которая, если верить маме, чуть ли не умоляла ее устроить свидание с Саввой.

Со временем Леокадия Адольфовна, казалось, смирилась с судьбой, но тут вдруг надежда пришла, откуда не ждали.

В Савву влюбилась без памяти его сотрудница – ассистент вычислительного отдела Галя.

Галя Скобейда была тихой и скромной, небольшого росточка, с округлой уютной фигуркой, густыми темными волосами, остриженными в скобку до плеч, и большими карими глазами с поволокой, добрыми и беззащитными. Она тоже окончила – с красным, между прочим, дипломом! – факультет прикладной математики и влюбилась в Ильинского так, как студентка – в гениального педагога, весь масштаб феноменальной личности которого виден только ее влюбленному взору, но скрыт от неблагодарного и равнодушного мира. Савва ее очень ценил, советовался иногда по каким-то незначительным поводам, а его сдержанность и полное отсутствие каких бы то ни было знаков внимания только подливали масла в скрытый пламень бушующей Галиной страсти, способов проявить которую, учитывая личность ее объекта, было не так уж и много.

Савва, как правило, не выходил в перерыв на обед, а предпочитал перекусывать за рабочим столом в кабинете, не отрываясь от дел. Зоркая Галя это взяла на заметку, и скоро вместо самостоятельно изготовленных бутербродов чуть ли не ежедневно на столе у него оказывались изумительные домашние вареники с вишней, или драники с грибами и жареным луком, или котлеты, или совершенно невероятные пирожки – особенно пирожки, попробовав которые сам Гуревич, забежавший, по обыкновению, сыграть партию в шахматы, стал активно проповедовать Савве семейные ценности:

– Женись! И не раздумывай! Женщина, которая так готовит, – богиня, и эта богиня в тебя влюблена! Да я за такие пирожки сам бы на ней женился, хоть завтра, но, увы, тут у меня нет ни одного шанса из тысячи. А ты не теряйся! Умничка, математик, пятерка по домоводству – чего тебе еще требуется, хороняка! А то, что ножки у нее волосатые, так это даже пикантно как-то!

Савва только щурился и улыбался молча.

Однажды он не справился сам с очередной порцией пирожков и принес остатки домой. Бдительная мама быстро сообразила, что и к чему, задала несколько вопросов, расхвалила пирожки так, как будто ничего вкуснее в жизни не пробовала, и предложила:

– Сынок, а не пригласить ли эту девочку к нам в гости? А то неудобно как-то, она тебя угощает все время, надо же как-то отблагодарить.

Савва и тут согласился, и согласием своим хотя бы на один вечер сделал двух женщин почти совершенно счастливыми. Галя поначалу страшно стеснялась и чувствовала себя очень скованно – и от самой ситуации, и от нового, первый раз надетого нарядного платья, – но Леокадия Адольфовна приняла ее как нельзя более радушно, осыпала благодарностями и комплиментами, а потом почти незаметно, с аккуратной точностью снайпера разведроты, так поставила разговор, что Галя без всяких расспросов сама рассказала ей все, что хотела бы узнать мать взрослого сына о потенциальной невестке: про маму, работавшую медсестрой в родном Мариуполе, про соседок по общежитию, про учебу в университете, про занятия альпинизмом, с особой гордостью – про золотой значок ГТО, и чем больше Галя рассказывала, тем более Леокадия Адольфовна убеждалась, что никакие Лидочки и Агаты этой девушке и близко не равня. Расстались они совершенно довольные друг другом, но многообещающее начало так и не получило никакого продолжения со стороны Саввы. Он все так же продолжал с удовольствием поедать домашние вареники с пирожками, Галя временами навещалась к Леокадии Адольфовне в гости, та принимала ее с грустным сочувствием и уговаривала потерпеть – и Галя терпела, имея все шансы, как это нередко случается в жизни, в одиночестве пронести свою преданную влюбленность через долгие десятилетия.

* * *

Кроме холостяцкого образа жизни, двух друзей объединяли и

некоторые общие интересы. Первым были, конечно же, шахматы.

Гуревич шахматами занимался серьезно и долго, учился в спортивной школе, дважды был чемпионом Ленинграда среди юниоров, честно заслужил звание мастера спорта и брал уроки игры у самого Ботвинника, который водил знакомство с его отцом. Савва же был самоучкой, толком не сыгравшим ни одной партии с настоящими мастерами, если не считать тех большей частью пожилых любителей, которые собирались на лавочках по выходным в парке Сосновка. Тем обиднее было, что за все время Гуревичу так и не удалось обыграть Савву ни разу. Больше того, с некоторых пор Ильинский взял моду периодически задумчиво объявлять: «Мат через семь ходов», и ошибался при этом чертовски редко. Гуревич по-спортивному злился, сидел вечерами, перечитывая классические учебники и разбирая лучшие партии гроссмейстеров всех времен, но выиграть у друга так и не мог.

Вторая сфера их общего интереса была из тех, о которой не вдруг заговоришь и с хорошим знакомым. Странно, что на эту тему серьезно дискутируют ученые с мировым именем, правительства и частные организации по всему миру выделяют колоссальные суммы на исследовательские работы, люди попроще, не озабоченные поддержанием имиджа интеллектуалов, с удовольствием обсуждают за кружкой или за рюмкой невероятные слухи и шокирующие факты из той же области, а вот средний класс инженерно-технической интеллигенции обыкновенно стыдится всерьез разговаривать про инопланетные цивилизации: помилуйте, ну мы же серьезные люди, какие еще инопланетяне? В среде кухонных умников со средним достатком рассуждать об этом так же нелепо, как про вампиров и оборотней.

То, что проблема внеземной жизни интересна обоим, они выяснили случайно, во время очередной игры в шахматы. Савва рассказывал про университет, про то, что сначала хотел поступать учиться на астрофизика, и неожиданно выяснилось, что Гуревич тоже с детства был увлечен космосом, они даже книжки одни и те же читали в мальчишестве. Поговорили о Шкловском, вспомнили Струве, потом закономерно перешли к Фрэнку Дугласу Дрейку и со всем энтузиазмом молодых ученых-единомышленников на клочки разорвали его знаменитое уравнение.

– Обывательские рассуждения, положенные на язык математики, – припечатал Гуревич. – Ну как же, во Вселенной триллионы и триллионы звезд, многие имеют планетные системы, не может же быть, что нигде нет жизни, правда? Ну да, быть такого не может, вот сейчас и уравнение соорудим на эту тему.

– Главное, что из семи составных элементов только два можно определить более или менее точно, – добавлял рассудительный Савва. – Это количество звезд, образующихся в Галактике, и число солнцеподобных звезд с планетными системами. Остальное исключительно и только досужие домыслы, можно любые цифры подставить: среднее число планет, пригодных для жизни, вероятность ее зарождения и достижения каких-то форм разумности, количество планет, жители которых ищут контакта с другими мирами – это вообще перл! – и еще время жизни гипотетической цивилизации. Профанация какая-то.

– Даже двух факторов нельзя определить, старичок, даже двух! – восклицал Гуревич. – Мы количества звезд в нашей Галактике точно не знаем, только оценочно – от двухсот до четырехсот миллиардов! Ничего себе, разброс: двести миллиардов звезд туда, двести сюда. Расстояние от Солнца до центра Галактики высчитывается с погрешностью до двух тысяч световых лет, о чем тут говорить!

– Не верится, что такие вычисления кто-то в научном сообществе может воспринимать всерьез. Меня бы за подобные уравнения в школе на второй год оставили.

– Ха! А ты знаешь, сколько америкосы выделили на поиск внеземных цивилизаций по проекту SETI, для обоснования которого в том числе использовалось это уравнение? Миллионы долларов! Неплохо, да? За такую-то работу!

Они помолчали немного, довольные друг другом, а потом Савва негромко спросил:

– Как думаешь, найдут что-то?

– Скорее всего, нет, – неуверенно ответил Гуревич и посмотрел на товарища.

– Значит, все-таки мы одни во Вселенной?

– Ну, может быть...

– Где-нибудь за пределами Ланиакеи^[1]...

– Скажем, в одной из групп галактик сверхскопления Голубя...

– ...или Часов...

– Кстати, запросто, что и в нашей Галактике...

Через несколько минут уже выяснилось, что Гуревич давно собирает подшивку всех доступных ему материалов о случаях наблюдения НЛО и контактов с инопланетянами, а Савва немало поразил своего друга признанием, что в первый же год работы в НИИ уговорил капитана третьего ранга Дунина, заведующего антенным полем, выделить ему мощности для анализа широкополосного спектра возможных сигналов из

космоса.

- Ну и ну! – удивился Гуревич. – Какой период брал?
- Немного, до пятидесяти часов.
- Поймал что-нибудь?
- Нет, конечно. Да я больше так, для проверки.

Тут они вспомнили о парадоксе Ферми и точно так же, как до этого не оставили камня на камне от уравнения, написанного на знаменах сторонников существования множества разумных цивилизаций, по костям раскатали основной довод скептиков.

– Рассуждения на уровне бытового атеиста, – смеялся Гуревич. – Типа, если есть инопланетяне, то почему я их до сих пор не увидел! Тоже мне, аргумент! Видите ли, мы до сих пор не приняли радиосигналов от братьев по разуму, как будто совершенно иные формы жизни обязаны пройти тот же эволюционный путь, непременно дойти до изобретения радио и отстукивать азбукой Морзе арифметические задачи из школьных учебников, сигнализируя о своей разумности!

– Ерунда полная, – соглашался Савва. – Они могут в принципе воспринимать мир в ином волновом диапазоне.

– Использовать неизвестные нам виды связи!

– Сигнал может находиться внутри белого шума реликтового излучения...

– Мы, скорее всего, не поймем даже, что это сигнал! Это если предположить, что они вообще заинтересованы в поиске иной жизни.

– С другой стороны, не исключено, что они уже здесь, среди нас. Просто мы их не замечаем в силу совершенной отличности от всего, что можно представить.

– Точно! «Эффект гориллы»! Так индейцы не заметили Колумбовых кораблей!

– Они необязательно гуманоидные.

– И совершенно не факт, что белковые, может, у них жизнь зародилась на основе кремния.

– Или не имеют материальной оболочки. Могут быть просто волной, информацией, закодированной в пучке элементарных частиц...

– Или богами.

– Или самим Богом.

– Согласен, гипотезу Бога тоже нельзя отвергать, но тогда возникает более сложный вопрос: что есть Бог?

Тема была благодарной и неисчерпаемой. Но только в одном приятели расходились принципиально и к согласию прийти не могли.

Ильинский, гуманист самого высокого толка, воспринимал возможный контакт с высшей цивилизацией как однозначное благо для человечества; Гуревич же был уверен, что в этом случае людей ждет тотальное уничтожение. Что являлось причиной его такой странной и ожесточенной космической ксенофобии, неизвестно; возможно, сыграла свою роль генетическая память, сохранившая воспоминания отца о том, как тот пятнадцатилетним подростком бежал с семьей из Одессы, спасаясь от приближающихся железных дивизий представителей сверхчеловеческой высшей расы, которые без колебаний пустили бы их на мыло или пару перчаток и преспокойно пользовались бы оными, намыливая в душе причинные места под мощные аккорды «Кольца Нибелунгов» или надевая перчатки перед альпийской прогулкой, чтобы стек не скользил в руке.

Савва уверенно утверждал, что высокий уровень развития технологий неразрывно связан с таким же уровнем развития морали и нравственности, а следовательно, существа, сумевшие преодолеть немислимые космические расстояния или нашедшие способ иным образом победить пространство и время, просто не могут быть враждебно настроены по отношению к иным формам разумной жизни. Гуревич только за голову хватался:

– Савва, старик, ну с чего ты это взял?! Эйнштейн и Бор спорили о теории относительности и квантовой механике – а десятью годами позже в одной из самых культурных и развитых европейских стран принялись сжигать в печах младенцев, женщин, стариков, целыми семьями, только по национальному признаку, причем при самой широкой народной поддержке! Человечество вышло в космос, а в стране, отправившей на Луну человека, еще никак не могли решить для себя: негры – это полноценные люди или все же как-то не очень!

– Да, но к звездам мы еще не летаем, – замечал Савва.

– Старичок, ну при чем тут звезды! Ты говоришь про какие-то абсолютные гипотетические величины, а я тебе про то, что столкновение более развитой цивилизации с менее развитой всегда заканчивается одинаково и очень печально для последней! Если не веришь, можешь спросить у беотуков, могикан, пекотов и многих других. Ах, но у них же нельзя спросить, их больше нет! А знаешь почему? Потому что представители куда более развитой цивилизации явились к ним и перебили буквально как скот, объявив существами, не принадлежащими к людскому роду. Испанцы рубили трупы убитых индейцев на мясо и кормили ими собак, а про добрых англосаксонских протестантов я и вовсе не говорю: истребили около ста миллионов человек коренного населения целого континента, жгли их, стреляли, морили оспой, уничтожали кормовую базу в

виде бизонов – и прекрасно себя чувствовали при этом. Видишь аналогию?

– Есть и другие примеры, – упрямылся Савва. – У чукчей, ненцев, коряков и многих других все хорошо.

– Вот в этом-то все и дело! – горячился Гуревич. – Ты совершенно советский человек, дружище, у тебя менталитет, в который на уровне основного кода вшита дружба народов с идеалами братской взаимопомощи – ну, и какие там еще есть красивые слова. Никогда не задумывался над тем, как по-разному изображается первый контакт с инопланетными гостями в нашей фантастике и у западных авторов? У наших это выглядит так: чужой звездолет еще не приземлился, а уже лучшие умы планеты готовятся к контакту с братьями по разуму, собирают таблицы, книжки и иллюстрации, женщины бегут к месту высадки с охапками полевых цветов, и седоусый первый секретарь местного горкома спешит по некошенной луговой траве с хлебом и солью. А вот у них в книжках все сразу вооружаются, подгоняют танковые бригады, военные спорят, как ловчее ударить атомной бомбой по корпусу корабля чужаков, – и, черт возьми, всегда оказываются правы в своих подозрениях! То треноги с лазерами, как у Уэллса, то враждебные биороботы, то похитители тел, а то чего и похлеще. А почему так? Потому что они сами прекрасно помнят, как приходили в свои будущие колонии и что там после их появления было с аборигенами.

– Значит, как минимум возможны разные варианты, – не сдавался Савва. – Нельзя же принимать как вероятную только одну из самых крайних возможностей.

– Ну хорошо, вот тебе еще вариант. Чужие – а ты сам признаешь, что они могут быть нам совершенно чужими, негуманоидными, бестелесными, – вообще не поймут, что имеют дело с разумной жизнью. Будет, как с птичками дронты на Маврикии, помнишь? Те жили в своей замкнутой экосистеме, не умели летать и были очень доверчивыми. Европейские моряки их убивали сотнями, причем не для пополнения запасов, а просто от скуки, ради забавы. Птички бежали к ним, раскрыв клювы, а те лупили их палками по головам, очень весело. Дронты разбегались, а потом возвращались опять – может, верили в разумность высшей человеческой цивилизации и хотели-таки установить контакт? А может, у них была и своя цивилизация, на свой птичий лад, как знать? Но их переколошматили дубинами без всякого сожаления, а остальное доделали завезенные на острова собаки и свиньи. Вот и мы тоже можем стать для какого-нибудь сверхразума такими дронтами, которых перебьют просто так, без всякой причины.

Так они и остались каждый при своем мнении: Савва – в убеждении о великом благе контакта с таинственным веземным разумом, Гуревич – в полной уверенности гибельности для человечества такой встречи. Каждый был абсолютно прав и совершенно заблуждался при этом.

* * *

В институте коллеги относились к Савве в основном ровно и, скорее, с симпатией, нежели наоборот, безусловно уважая его как профессионала и ответственного человека. Гуревича или очень любили, или ненавидели втайне. Но был человек, который относился к ним обоим с одинаковой настроенностью и неприязнью.

Если, войдя в двери НИИ и миновав проходную, не отправляться в путь по длинному коридору первого этажа, а сразу после проходной, поднявшись по лестнице, свернуть влево, то можно попасть в небольшой закуток с неприметной дверью. За ней располагался небольшой кабинет, тесный от старой громоздкой мебели, очевидно пережившей не одного хозяина этого места, прокуренный, с обшарпанными усталыми стенами, ворохами бумаг на выдавшем виде столе, украшенном, словно печальным узором, коричневыми кругами от кружек с чаем и язвами папиросных ожогов. Из шкафов торчали толстые бумажные папки с неопрятно лохматящимися завязками, а со стены скорбно взирал портрет Дзержинского, казавшегося еще более изможденным от постоянного пребывания в атмосфере из табачного дыма, крепкой мужской духоты и сладковатого аромата одеколона «Саша». В этой непрезентабельной обители располагалась резиденция начальника особого отдела НИИ, майора госбезопасности Игоря Петровича Исаева.

Когда-то, во времена сладким сном промелькнувшей молодости, Исаев был подающим надежды начинающим контрразведчиком на Черноморском флоте, а еще красавцем, бретером и «мастером штыкового боя под одеялом», каковое мастерство в итоге самым губительным образом сказалось на дальнейшей карьере. Однажды жертвой его нахрапистого обаяния пала жена начальника управления контрразведки ЧФ, и этот «взлом мохнатого сейфа» вышел Исаеву боком: его мгновенно перевели из солнечного Севастополя в неприветливый сумрачный Ленинград и на веки вечные заточили, как проклятого пророком джинна, в кабинете особого отдела НИИ связи. Вначале он было надеялся, что со временем ситуация как-то исправится, но время шло, ничего не менялось, и однажды Игорь

Петрович понял, что про него позабыли, как про отправленную на дачу ненужную вещь. С годами Исаев обрюзг, растолстел, приобрел лоснящиеся залысины, багровое, в нехороших прожилках лицо, одышку и хроническое раздражение на несправедливый мир и судьбу, которая за полжизни так и не дала ему того самого, единственного мгновения подвига.

Впрочем, дело свое он знал хорошо, делал его с каким-то мрачным старательным отвращением, сигналы от трудового коллектива принимал четко и реагировал оперативно. Когда, например, один капитан-лейтенант неосторожно ляпнул в курилке, что слышал по «Голосу Америки» о том и о сём, то уже через пару дней ему пришлось паковать чемоданы, проститься с местом младшего научного сотрудника в ленинградском НИИ и отправиться на Дальний Восток, чтобы до конца службы бороздить на корвете разведки воды Тихого океана. Защищенному доктору наук и начальнику одной из лабораторий политически окрашенный анекдот, рассказанный лучшему другу, стоил руководящей должности и дальнейшей карьеры. Да, работенка была пакостная, но кто-то же должен ее делать, не так ли? И за сомнительными персонажами присматривать тоже, а к таковым не в последнюю очередь относились Ильинский с Гуревичем.

Один какой-то беспартийный тихушник, молчаливый и себе на уме; правда, мама у него героическая, этого не отнять, но яблоко от яблони, вопреки распространенному мнению, иногда откатывается ой как далеко. Исаев давно взял Савву под наблюдение, и чем меньше тот давал поводов для подозрений – а он их не давал вовсе, – тем больше раздражал этим особиста. Умник чёртов.

Гуревич раздражал еще больше. Во-первых – еврей. Одного этого достаточно, чтобы взять на карандаш. Будь воля Исаева, того бы и на километр не подпустили к секретному институту просто по «пятому параграфу», но времена стали не те, и приходилось мириться, что вот такой потенциальный мигрант в Землю обетованную допущен к военным секретам. Во-вторых – бабник, что неприятно напоминало Исаеву, давно растерявшему форму, навык и опыт, себя самого в дни славной молодости. В-третьих – подхалим и трепло, каких мало. А то, что эти двое в последнее время сдружились и то и дело в обеденный перерыв уединялись якобы для игры в шахматы, выглядело как настоящий заговор. Исаев регулярно излагал свои соображения на бумаге и рапортовал выше, но ответов на свои сигналы не получал. Если кто и поддерживал майора деятельно в его идиосинкразии к Гуревичу, так это коллега последнего по отделу, капитан третьего ранга Бакайкин. Сам он Исаева презирал, считал неудачником, солдафоном и опустившимся пьяницей; майор платил той же монетой, не

без оснований полагая Бакайкина человеком без совести, принципов и просто гнусным субъектом, который в вооруженные силы пришел не Родину защищать, а с помощью звездочек на погонах устроиться на теплое место с хорошим окладом, умевшим только кляузничать на партийных собраниях, заниматься мелкими провокациями и писать развернутые доносы в особый отдел. Но один был эффективным орудием в конкурентной карьерной борьбе, другой – самым активным фискалом во всем институте, и обоих объединяла неприязнь ко всем, кто хоть как-то смел выделяться из ряда умеренных и аккуратных – прежде всего к Гуревичу, а теперь и к примкнувшему к нему Ильинскому. Поэтому при встрече они радостно пожимали друг другу руки, натужно щерились и уединялись в прокуренном кабинете майора, выстраивая стратегию и тактику борьбы с теми, кто вызывал у них неприязнь. Но к Ильинскому было не подкопаться, Гуревич легко отражал истерические наскоки Бакайкина на собраниях и временами не без успеха контратаковал, так что стратегия с тактикой буксовали, пока однажды Гуревич и Савва сами не подставились под удар, который должен был похоронить карьеры обоих.

* * *

Гуревич работал в лаборатории, занимавшейся проблематикой подавления вражеских систем связи в ситуации противостояния многоцелевым авианосным группам. Военно-морской флот в части технического оснащения всегда был впереди прочих родов войск, а в последние годы в этом оснащении мы постепенно, но уверенно проигрывали потенциальному противнику. Значение средств радиоэлектронной борьбы в условиях современной войны было огромным: выведете из строя средства связи, и подразделения полностью утратят централизованную управляемость, самолеты потеряют контакт с наземными службами, и слитный единый кулак авианосной группы, состоящий из нескольких подводных лодок в нижней полусфере, самолета AWACS^[2] и истребителей боевого воздушного патруля, крейсеров, эсминцев, танкеров и, собственно, авианосца, рассыплется на несколько разрозненных, небоеспособных частей. Подавите средства ближнего и дальнего обнаружения, и враг уподобится слепому и глухому стрелку, ввязавшемуся в дуэль. Над системами РЭБ работали целые институты, в них отдельными направлениями занимались отделы, в лабораториях отделов тысячи лучших ученых и инженеров разрабатывали научно-

исследовательские обоснования и проводили конструкторские разработки новых технических средств.

Гуревич, разумеется, рассказывал Савве о работе, главным образом о тех трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться ежедневно – а трудностей в этом деле хватало. Очевидно, что альфой и омегой эффективного подавления чужого сигнала были когерентность, совпадение частот сигналов передачи и подавления, волновых пиков и впадин. Подобное уничтожалось подобным – всегда; вот только в данном невидимом противостоянии брони и снаряда пока уверенно побеждала броня: частоты передающего сигнала постоянно менялись в псевдослучайной последовательности и не было никакой возможности эти изменения отследить – все равно что пытаться угадать, какое число загадано противником в диапазоне от единицы до триллиона. Можно было бы использовать заградительные широкополосные помехи, глушившие весь диапазон передачи, но применение БЧХ-кода^[3] сделало это неэффективным: любого прорвавшегося фрагмента начального сообщения было довольно, чтобы восстановить его полностью. В ход шли скрытые помехи, импульсные сигналы, но удовлетворительного и полностью эффективного решения не находилось. Дело дошло до радикальных идей, вплоть до подводного атомного взрыва, который на долгое время создаст уровень помех такого масштаба, что сделает невозможным никакое акустическое обнаружение чего-либо, и тогда подводные лодки смогут подойти к супостату на дистанцию поражения – правда, и сами они будут двигаться, полагаясь только на старомодные компасы, перископы и зоркие глаза капитана, чего в современных условиях, мягко говоря, маловато. Гуревич предложил решение в виде создания сигнала такого высокого энергопотенциала, что просто сожжет к чертям все системы приема и передачи противника; правда, для этого предполагалось использовать космические спутники с фазированными антенными решетками, и сложность инженерной реализации на каждом этапе проекта возрастала по экспоненте.

Савва, по обыкновению полуприкрыв веки, слушал рассказы про далекие авианосцы и многоцелевые подлодки, импульсные высокочастотные сигналы и код Рида – Соломона^[4], про AWACS и JTIDS^[5], меняющиеся каждые шесть микросекунд частоты, – казалось, что слушал рассеянно, изредка задавая вопросы, но на самом деле складывая в памяти, как сумму данных интересной задачи, все, о чем повествовал Гуревич.

Как-то за очередной партией Савва пытался объяснить товарищу свое понимание принципа квантовой неопределенности и многомировую интерпретацию Эверетта на примере шахмат.

– В квантовой физике принцип неопределенности – это фундаментальное соображение, – говорил он, неспешно расставляя фигуры. – Если совсем просто, то он означает, что невозможно точно измерить две характеристики частицы, например фотона, и чем точнее устанавливается один параметр, тем более неопределен второй. То есть мы никогда не сможем определить одновременно координаты и вектор движения субатомной частицы. Это связано с корпускулярно-волновым дуализмом, а именно со способностью элементарных частиц проявлять свойства, присущие и волне, и частице. Собственно, они и есть одновременно и волны, и частицы. Это понятно?

– Безусловно, – соврал Гуревич.

– Это очень, очень простое объяснение, – предупредил Савва. – Такое простое, что почти неправильное. Про то, как незаряженный пион распадается на два фотона, я тебе рассказывать не собираюсь.

– Спасибо, дружище!

– Так вот. Дуализм – это очень значимый элемент квантовой физики; второй принципиально важный – неопределенность. При попытках оценить движение субатомных частиц в ходе эксперимента мы можем с большей или меньшей уверенностью сказать только о начальной и финишной точках отрезка движения, но о его траектории судить невозможно. Поэтому принято считать, что, например, электрон или фотон идет одновременно по всем возможным траекториям, реализует все мыслимые сценарии своего движения, чтобы в итоге оказаться в конечной точке.

– Но это ведь просто некое допущение, верно? – уточнил Гуревич.

– Нет, не так. Это реальность квантового мира, такая же, как знаменитая запутанность, которую Эйнштейн называл «жуткой», при которой изменение одной частицы мгновенно передается другой со скоростью, превышающей скорость света. Одновременно существуют все варианты движения частицы – и точка. На этом построена многомировая интерпретация, которая, в частности, предполагает в некотором смысле существование параллельных вселенных.

– Старик, это что-то уже совсем фантастическое.

– Фантастическим обычно называют всё то, чего не встречают по дороге с работы домой, – спокойно ответил Савва. – А это другое. Вот, смотри.

И он показал на доску, где в ожидании предстоящего боя выстроились

фигуры.

– Сейчас здесь присутствуют все партии, которые были или будут сыграны когда-либо. Их количество оценочно определено Клодом Шенноном, называется числом Шеннона и составляет приблизительно 10^{120} . Для понимания: количество атомов в наблюдаемой Вселенной оценивается в 10^{81} . Но я делаю ход, – он переставил белую пешку на E4, – и вот уже возможных к реализации сценариев дальнейшей игры стало меньше, пусть и ненамного. Каждый раз на доске присутствует фактически бесчисленное множество возможностей для продолжения игры, и они так же объективны, как существующая позиция, пока я не сделаю очередной ход и не изменю этим самым реальность игрового мира, в которой появится новое множество сценариев, одновременно существующих в настоящем и будущем. И всё это – на доске из шестидесяти четырех клеток и с участием тридцати двух фигур. А теперь представь себе числовой объем сферы вероятности, которая вмещает все параллельно существующие сценарии развития мира, где миллиарды человек ежесекундно генерируют обстоятельства, влияющие на взаимосвязь гипотетических и состоявшихся событий. И каждый из этих сценариев образует собственную реальность, которая настолько же объективна, как та, которую мы сейчас проживаем.

– Не вмещаю, старичок, – признался Гуревич. – Это ты гений, а у меня голова маленькая, и сейчас там фазированные антенные решетки, которые при раскрытии в космосе начинают вибрировать, и как погасить эту вибрацию, я пока не понимаю.

– Кстати, хотел с тобой одной идеей поделиться, – сообщил Савва. – Как раз по твоей проблематике. Предположим, возможно сгенерировать помеховый сигнал с абсолютно универсальной когерентностью по отношению ко всем частотам радиоволн и вообще любого электромагнитного излучения. Это решит проблему подавления средств связи и обнаружения?

– Ты про «белый шум» говоришь? Так это и есть широкополосная помеха, я же рассказывал...

– Нет, не то. Представь сигнал, который...ну, пусть будет, подстраивается под любую частоту, идеально совпадая по длине волн, понимаешь? Универсальный, с миллиардами вариантов полной идентичности.

– Ну, звучит как ответ на все вопросы, – осторожно начал Гуревич, – но только я не понимаю пока...

– Вот посмотри. Я тут набросал на скорую руку.

И Савва протянул приятелю несколько исписанных мелким почерком листов. Тот взял и внимательно стал читать.

– Я предположил, – продолжал Савва, – что можно было бы использовать в качестве базовой идеи принцип квантовой неопределенности. Если принять, что субатомные частицы реализуют одновременно все возможные варианты движения, то чисто теоретически мы имеем право предположить, что гипотетическая волна в периоде распространения будет иметь свойство когерентности частотным характеристикам любого электромагнитного излучения. Радиоволнам в том числе, хоть бы они меняли частоту каждую наносекунду.

Гуревич оторвал взгляд от бумаг.

– Дружище, то, что ты тут написал, я понимаю через строчку, если честно, хотя общая идея ясна. Но это что-то совсем глубокая теория, не находишь? То есть я в принципе не представляю связи между колебаниями на квантовом уровне и реальным радиосигналом.

Савва задумался, сделал ход и сказал:

– Эйнштейн говорил, что для решения кажущейся неразрешимой задачи нужно подняться на один уровень выше предлагаемых в ней условий. В качестве исходной модели представим несколько уровней окружающего мира. Первый – тот, который является в нашем понимании привычно материальным и распространяется до атомных структур; его законы более или менее точно описываются классической физикой, он доступен наблюдению, и на него мы можем воздействовать теми или иными техническими средствами, которые есть в нашем распоряжении. Но атомы не являются конечным строительным материалом реальности. Субатомный или тем более субквантовый уровень полностью недоступен как нашему наблюдению, так и описанию с помощью известных законов физики и относительно постижим только при помощи творчески применяемого математического аппарата и физических гипотез, в рамках которых мы вынуждены прибегать к довольно рискованным метафорам типа струн или «очарованных кварков». Это настоящий квантовый мистицизм, но именно на этом, принципиально невидимом и условно доступном пониманию уровне расположены механизмы, определяющие наш так называемый материальный мир. Очевидно, что там существуют еще не описанные формы взаимодействий, квантовые флуктуации, которые меняют реальность – кто знает, как часто, и воспринимаем ли мы эти изменения, замечаем ли их; может быть, ежеминутно или ежечасно мир меняется радикально – и мы вместе с ним, с нашими воспоминаниями, убеждениями, мыслями, всякое мгновение рождаясь, как новые личности, а

потому не в состоянии отследить изменения, подобно тому, как пассажиры сверхзвукового самолета не чувствуют скорости и расстояния, в то время как пересекают океаны и континенты...

– Савва, не увлекайся. Ближе к делу. И тебе шах.

– Я вижу, не страшно. Хорошо, вот к делу: если на квантовом уровне происходят процессы и изменения, которые, я убежден, оказывают влияние на объективную материальную реальность, то, возможно, мы можем управлять этими процессами методом от обратного. Физическим действием запустить изменения на два уровня выше – или ниже, как посмотреть, – а потом использовать результаты на том же физическом уровне. Это как поджечь с одного конца фитиль, проходящий под землей и другим концом выходящий к бочке в пороховом погребе, понимаешь? Во всяком случае, теоретическое обоснование я изложил, оно перед тобой. И первый практический опыт может лежать как раз в области создания сигнала, абсолютно когерентного любому виду радиоволн. Вот тебе и твоя идеальная помеха. И мат через шесть ходов.

– Да чтоб тебя черти взяли! Ну уж дудки, я еще поборюсь.

Савва не стал говорить другу о том, что вывел предлагаемое частное следствие из своих наработок по единой теории поля; что реализация его теоретического предположения позволит не только глушить радиосигналы, но и, например, уничтожать свет, который тоже представляет собой электромагнитную волну, а еще, чего тоже исключить нельзя, подавлять электрическую активность человеческого мозга и что в итоге все эти прикладные производные – сущая ерунда перед возможностью управлять процессами квантового мира, которая означает способность влезть в самые тонкие, первичные настройки мироздания и менять их по своему усмотрению.

Они были дружны уже почти год, и если Гуревич был в чем-то совершенно убежден, кроме губительности для человечества контакта с внеземным разумом, так это в гениальности своего друга. Тем более что мат его черному королю действительно состоялся через шесть ходов.

Он подождал и подумал два дня; почти разобрался в дремучих математических выкладках Саввы, хоть это было и нелегко; позвонил по междугородному телефону брату в Новосибирск и задал ему пару вопросов. А на третий день решился: поговорил с Саввой, довел до ума его теоретические зарисовки, оформил как надо и подал проектную заявку в ученый совет.

Удивительно, но этап обсуждения на уровне НИИ прошел до странного гладко. Тому послужило несколько причин, из которых главной была та, что теоретического обоснования, предложенного Ильинским, никто толком не понимал. Зато все хорошо знали, что Савва имеет определенный авторитет в научных кругах, пусть и довольно узких, что он умелый, грамотный специалист, а еще очевидно было, что заявленная практическая реализация проекта, при всей кажущейся фантастичности, может иметь настолько важное перспективное значение, что отказывать в согласовании было и неразумно, и отчасти рискованно. Поэтому, как водится в таких случаях, ученым советом принято было мудрое решение передать ответственность вышестоящим, и заявка ушла в головной институт, откуда в январе 1983 года прибыла специальная комиссия для того, чтобы или утвердить проект в разработку, или безоговорочно объявить его антинаучной ересью и игрой праздного ума заплутавшего в заумных теориях начальника вычислительного отдела.

Именно на такой исход дела рассчитывал капитан третьего ранга Бакайкин, и пускать процесс на самотек он не собирался. В случае разгромного заключения комиссии из Москвы можно было раз и навсегда поставить на место этого выскочку Гуревича, ославить его на самом высоком уровне руководства, дискредитировать как профессионала, а потом, если повезет, и добиться понижения в должности, а то и вовсе, при помощи Исаева, выгнать из института. Во всяком случае, конкурировать за место начальника лаборатории Гуревичу точно больше никогда не придется. Да и этого Ильинского не мешало бы загнать обратно в тот пыльный угол, из которого он вдруг выполз и даже заговорил – смотрите, какое диво!

Сам Бакайкин как оппонент и приблизительно не был равен ни Гуревичу, ни Ильинскому и в профессиональную дискуссию с ними ввязываться не собирался, понимая, что не добьется в ней ничего, кроме обнажения собственной бестолковости. Но судьба вдруг сдала ему счастливые карты: среди членов московской комиссии обнаружился свояк Бакайкина, некто Дубровский – уважаемый авторитетный эксперт, капитан первого ранга, кандидат наук и не последний человек в руководстве головного НИИ. Бакайкин чуть не разрывался от переполнявшего его радостного предвкушения чужого фиаско и немедленно позвонил родственнику: подсказать, дать, некоторым образом, предварительную

оценку, сориентировать по ситуации – конечно, исключительно для того, чтобы уважаемый человек не попал в глупое положение, всерьез разбирая какую-то ахинею.

Капитана подвела не столько некомпетентность, сколько ненависть – та, что способна ослепить и сделать глупцом и самого умного человека, заставляя недооценивать силу противника просто из одного только чувства презрения; Бакайкин же был всего лишь хитрым мелкотравчатым интриганом, разумом никогда не блиставшим. В его версии, которую он изложил свояку в телефонной беседе, ситуация выглядела следующим образом: пустозвон и вертопрах Гуревич, пользуясь своими способностями без мыла влезть куда угодно – тут Бакайкин многозначительно добавил: «Ну, ты же знаешь, они все такие» – извлек на свет Божий из вычислительного отдела местного юродивого, заучку и аутиста, который понаписал нечто настолько бредовое, что этого даже никто понять не смог; ну а начальник НИИ контр-адмирал Чепцов решил просто подстраховаться на всякий случай и похоронить эту парочку не своими руками, а силами уважаемых московских экспертов. Так что дело пустячное, чистая формальность: нужно просто приехать, надавать увесистых оплеух, да и дело с концом. Вполне естественно, что после таких рекомендаций капитан первого ранга Дубровский – отличный, кстати, специалист в области математического анализа – с материалами теоретического обоснования проекта, присланными заблаговременно, ознакомился лишь поверхностно, за полчаса до начала во многом судьбоносного заседания, не удосужившись хотя бы навести справки о том, кто такой этот Ильинский С.Г., чье имя стояло вторым на титульном листе документа.

В назначенный день и час конференц-зал наполнился сопричастными: контр-адмирал Чепцов, его заместитель по научной работе, руководитель отдела РЭБ, начальники обеих лабораторий в составе отдела, несколько привлеченных внутренних экспертов, включая капитана третьего ранга Бакайкина, комиссия из московского института в составе четырех человек – руководитель, советник по науке, два ведущих эксперта – и сами виновники торжества, старшие научные сотрудники, кандидаты наук Евгений Маркович Гуревич и Савва Гаврилович Ильинский.

За окном веселился морозный солнечный день, искрился легкий белый снежок, и в торжественном зале с кумачовым призывом «Решения XXVI съезда КПСС – в жизнь!», белым бюстом вождя мирового пролетариата, огромной, торжественно черной грифельной доской и трибуной была какая-то приподнятая, праздничная атмосфера. Гуревич надел свой лучший, на заказ пошитый костюм, белую рубашку, темно-бордовый

галстук, ерзал, вздыхал, хрустел пальцами и то и дело зачем-то подбадривал Савву: «Ничего, старичок, прорвемся, ты не волнуйся!» Он прекрасно понимал, что сейчас на карту поставлено для него если не все, то очень многое.

Савва ни на какие карты ничего не ставил, волноваться не думал и галстуков не надевал, хотя все же приоделся ради такого события в не новый, но аккуратно отглаженный серый костюм и светлую рубашку, с трогательно застегнутым на последнюю пуговицу воротом. Он смотрел в окно, щурился на зимнее солнышко и был тих, спокоен и светел, как инок во время пения Херувимской.

Адмирал, его заместитель и члены комиссии поднялись на сцену и заняли места за длинным столом. Гуревич чувствовал, как сердце гулко колотится где-то под тугим узлом галстука, а когда увидел, что гнусный Бакайкин, согнувшись чуть ли не пополам, жмет руку высокому представителю капитану первого ранга из московской комиссии, то оно еще и заняло от недобрых предчувствий.

Ритуальная часть не заняла много времени: краткие, без лишних украшательств, приветствия, представление присутствующих и вступительное слово Гуревича, как номинального автора проекта и инициатора заявки. Все это заняло вряд ли больше десяти минут, а потом было предложено перейти к защите.

– Слово предоставляется...

К грифельной доске, как к дуэльному барьеру, подошли с двух сторон Дубровский и Савва, и сравнение было не в пользу последнего: черная с золотом форма отлично сидела на рослом и статном офицере, фигура его излучала уверенность, а отменная выправка добавляла еще несколько сантиметров роста, так что Савва смотрелся рядом с ним человеком в самом унижительном смысле слова гражданским, неловким, мешковатым и каким-то потеряннным. Гуревич заволновался еще больше. Ему прекрасно было известно, как много зависит от вот таких, казалось бы, незначительных факторов: внешний вид, уверенная осанка, тембр голоса, решительность безапелляционных суждений – особенно тогда, когда в сути вопроса лица, принимающие решения, разбираются, мягко скажем, нетвердо и больше ориентируются на внешнюю убедительность, чем на содержательные аргументы; он также знал, как много оригинальных решений и предложений было отвергнуто, похоронено и забыто исключительно из-за того, что система внутренних сдержек и противовесов, чьих-то амбиций, вражды, симпатий и антипатий вдруг качнулась не в ту сторону, и как мало зависело от таланта и реального

профессионализма. Если бы он мог пойти сам, но, увы, в формулах Саввы уверенно разбирался только он сам, и Гуревичу оставалось лишь надеяться, что все обойдется.

Дубровский, как известно, с расчетами ознакомился кое-как: выхватил взглядом на первых страницах несколько исходных уравнений неклассических множеств, увидел то, что счел странностями и нарушением логики, и уверенно начал:

– Савва Гаврилович, на странице номер три содержится выраженное в нелинейной функции утверждение, что...

Мел застучал по доске. Савва, чуть наклонив голову, внимательно посмотрел и ответил быстрым дробным перестуком, выписав длинное математическое выражение из одних только символов и нулей. На некоторое время повисла напряженная тишина. Дубровский снова атаковал; в стуке мела Гуревичу слышался звон клинков, и он изо всех сил скрестил побелевшие пальцы. Безмолвный и стремительный поединок у доски продолжался минуты три, вряд ли больше, а потом Дубровский нехотя произнес:

– Ну хорошо, предположим, с этим мы разобрались... – и мысленно обматерил свояка, из-за которого оказался в наиглупейшем положении.

Очевидно стало, что оппонент очень хорош – чего уж там, просто великолепен в своем деле. Его уравнения отличались точностью и изяществом, он демонстрировал уровень мастерства, который Дубровскому не приходилось видеть уже очень давно, а может, и никогда – и было предельно понятно, что пытаться и дальше одолеть его в ближнем математическом бою просто глупо. Капитан первого ранга мог отказаться от дальнейшей дискуссии, тем более что этот Ильинский, скорее всего, и в самом деле предлагал что-то стоящее, но отступать было немыслимо. Это квантовый мир живет по каким-то своим особым законам, а мир человеческий приводится в действие пружиной чести, амбиций и репутации; Дубровский знал, что из присутствующих по крайней мере двое его коллег прекрасно разбираются в предмете и понимают, что его, признанного эксперта, только что отбрил какой-то гражданский из вычислительного отдела, а потому капитан сделал то, что и почти каждый бы на его месте – начал давить массой, используя авторитет положения и не утруждаясь аргументацией:

- Преобразования Лоренца в данном случае не применимы...
- Редукция фон Неймана не имеет отношения к рассматриваемому предмету...
- Система координат неевклидовых плоскостей задана совершенно

неверно...

Капитан первого ранга беспощадно гремел уверенным, хорошо поставленным баритоном. На стенах плясали перепуганные солнечные зайчики. Савва молчал, опустив руки и полуприкрыв веки. Гуревич схватился за голову: он прекрасно понимал, что сейчас происходит, и видел, что в глазах всех собравшихся его друг выглядит мальчиком для битья, по глупости вышедшем на ринг против чемпиона в тяжелом весе.

– И наконец, итоговый вывод не только в корне ошибочен, но и не вытекает логически из приведенных расчетов, – завершил разгром Дубровский и замолчал, снисходительно глядя на Савву.

Стало тихо, и только пыль кружилась в лучах солнца, словно далекие звезды где-нибудь за Стеной Геркулеса.

Контр-адмирал Чепцов откашлялся и произнес:

– Ну что же, благодарю вас, товарищ Дубровский. Савва Гаврилович, вам есть что сказать?

Савва будто очнулся, взглянул на адмирала, потом на возвышающегося перед ним оппонента и произнес:

– Я тоже благодарю товарища капитана первого ранга за ряд интересных замечаний. Я очень ценю, что мои предложения подверглись столь подробной и беспристрастной оценке. Еще раз спасибо.

Дубровский сдержанно улыбнулся. Гуревич откинулся на спинку стула и с тоской посмотрел в окно.

– Если возможно, я бы хотел воспользоваться случаем и поинтересоваться у товарища капитана первого ранга, – продолжал Савва, – не следовало ли мне, во избежание указанных им ошибок, использовать в работе матричное преобразование ОРС?

– Безусловно, – великодушно согласился Дубровский, похожий сейчас на сытого льва. – Непременно следовало.

– Такого матричного преобразования не существует, – сообщил Савва.

И добавил в наступившей ошеломленной тишине:

– Я его только что выдумал.

В зале вспорхнул смех. Заместитель по науке опустил голову, пряча улыбку. Дубровский побагровел.

– И если позволите, – спокойно сказал Савва, – я бы попросил вас указать функцию для расчета верных неевклидовых координат в пространстве сигнатур, соответствующих решаемой задаче. Мне это тем более интересно потому, что непосредственно связано с темой моей кандидатской диссертации.

Смех взвился сильнее. Пробежал оживленный шепот. Гуревич

неожиданно гоготнул в голос и зажал рот рукой.

– Тихо, тихо, – контр-адмирал деликатно постучал карандашом по столу. – Я полагаю, больше вопросов нет, товарищ капитан первого ранга? Ну вот и хорошо. Кто еще хочет выступить в прениях?

Ни о каких прениях более не могло быть и речи. Судя по всему, внутри коллектива столичной комиссии тоже существовали свои сдержки и противовесы, ибо второй ведущий эксперт – с сияющей лысиной и в блестящих очках – имел особенно торжествующий вид и сердечно поздравил Савву с интересной, перспективной идеей, отметил оригинальность применения математического аппарата и пожелал дальнейших успехов в реализации проекта, добавив к тому же, что знаком с товарищем Ильинским заочно и с большим интересом читал несколько его статей, посвященных Колмогоровской сложности. При этих словах капитан первого ранга Дубровский – прекрасный аналитик, признанный специалист и, что особенно важно, не последний человек в руководстве головного НИИ, – бросил на свояка взгляд, в котором, как при вспышке испепеляющей молнии, Бакайкин увидел свои дальнейшие служебные перспективы столь скромные, а последствия нынешнего совещания столь плачевные, что ему не оставалось ничего более, кроме как навсегда покинуть наш рассказ.

Через полчаса сотрудники НИИ связи ВМФ, выходя на обед, могли видеть, как старший научный сотрудник Евгений Гуревич лежит на спине в пушистом сугробе, хохоча и подбрасывая вверх искрящийся легкий снег, а Савва Ильинский стоит на ступенях, наблюдая за этим неожиданным действием, улыбаясь и щурясь на солнце.

* * *

Конечно, просто не было, и окончательное решение о настоящей, серьезной работе по проекту Гуревича и Ильинского приняли только через полгода. Идея казалась слишком необычной и смелой, обоснование и расчеты – чрезвычайно неоднозначными, сама тема квантовой физики – мало изученной и никогда ранее не увязывавшейся с военно-практическим применением, а открывающиеся в случае успеха перспективы – в полном смысле слова невероятными. Заочные экспертные оценки, обсуждения и дискуссии заняли довольно длительное время; из различных научных учреждений, привлеченных Министерством обороны к анализу теоретического обоснования, в НИИ связи поступали дополнительные

вопросы, кажущиеся неотразимыми опровержения или же, напротив, близкие к восторженным отзывы. Савва отвечал, дорабатывал, вносил уточнения и дополнения, и процессу этому не было бы конца, если бы в мае 1983-го для финального заключения руководство министерства не обратилось к самому академику Пряныгину. На две недели все замерло в ожидании. Гуревич не находил себе места, бродил по коридорам и кабинетам НИИ или отсиживался в кабинете у Саввы, не в силах сосредоточиться на чем бы то ни было. Ильинский же как ни в чем не бывало продолжал заниматься своей работой в вычислительном отделе, сохранял совершеннейшее спокойствие и только выразился в том смысле, что рад участию Пряныгина в оценке его идеи, ну а если Иван Дмитриевич укажет на ошибки или недоработки, так оно только к лучшему.

Пряныгин дал ответ в конце мая, и он был по обыкновению краток: «Все верно». Это решило все дело. Тогда же Савва получил от него личное письмо, последнее за двадцать один год их удивительной переписки. Само собой разумеется, что академик прекрасно знал о работе Саввы над единой теорией поля и видел, что именно эти исследования привели к идее создания направленного квантового колебания, которое можно транслировать в разрушительной силы сигнал; он понимал, что его молодой друг и ученик фантастически близок к тому, чтобы воплотить умозрительные теоретические выкладки в практические решения, открывающие перед человечеством невиданные доселе возможности. Никто не знает доподлинно содержания этого прощального послания академика, но одну фразу из объемистого письма мы привести можем: «Вы как ребенок, который пытается пальчиками поддеть реальность за краешек, чтобы потом ухватиться и потянуть».

В начале июня проект под кодовым названием «Универсальная Бинарная Волна», сокращенно – УБВ, получил официальный статус. Имя предложил Савва: слово «универсальная» указывало на основную суть дела, абсолютную когерентность, а «бинарная» – на то, что квантовому колебанию было необходимо тело, более грубая оболочка, в которую будет вшита субатомная волна. Все предварительные расчеты, ранее рассылаемые с целью экспертных оценок с пометкой «для служебного пользования», изъяли из более не причастных к делу учреждений и ведомств и присвоили гриф «Совершенно секретно». Для руководства проектом при Министерстве обороны создали специальную комиссию, в которую входило меньше десяти человек, а в самом НИИ связи право ограниченного доступа к материалам исследования имели только сам контр-адмирал Чепцов и его заместитель по научной работе. К делу

подключился Комитет государственной безопасности, контрразведка взяла на особый контроль соблюдение условий секретности и обеспечение повышенных мер защиты. Рабочей группе в составе Ильинского и Гуревича выделили отдельное помещение, дали приоритетное право ставить любые задачи всем подразделениям и службам НИИ, а также смежным научным организациям, относящимся к ведению Министерства обороны СССР; они получили статус, ресурсы и лютую бессильную зависть всех прочих сотрудников института, которая только усугублялась полностью свободным графиком работы, который был предоставлен приказом начальника НИИ.

Гуревич летал как на крыльях; он приобрел еще более лощеный вид, взял привычку появляться на работе не раньше одиннадцати и засиживаться допоздна, и не воспринимая все слишком всерьез, но все-таки наслаждался тем, с каким верноподданническим видом здоровались с ним бывшие недоброжелатели; а еще оценивал перспективы, на которые прозрачно намекало ему руководство: секретарь партийной организации и начальник не то что лаборатории, а как минимум отдела, а может, и целого управления – как водится для начала.

Галя Скобейда, которую назначили временно исполняющей обязанности руководителя вычислительного отдела, тоже сияла, но по другим причинам: она радовалась не за себя, а за Савву, исполненная тихой, счастливой гордости, которой делилась во время редких визитов в гости или телефонных разговоров с Леокадией Адольфовной – и мама, внешне спокойно и словно как должное принимая успехи сына, наедине с собой едва ли не плакала от сознания того, что все было не зря, не напрасно и сын ее наконец-то если и не оценен в полной мере – на это была способна лишь только она, – но, по крайней мере, замечен и востребован.

Савва увлекся проектом по-настоящему: это был серьезнейший вызов для него как физика и математика, а кроме того, разработка практической части УБВ помогала в развитии и теоретической части единой теории поля. Новыми возможностями и свободами он распорядился по-своему: вдруг отрастил волосы и отпустил бороду, отчего его и без того строгое и правильное лицо сделалось прямо-таки иконописным, и проводил на работе целые ночи. Он и раньше, с самого отрочества, был склонен к «совиному» образу жизни и любил засиживаться допоздна, а теперь получил все возможности реализовать эти склонности в полной мере; дошло до того, что в один прекрасный день он притащил в кабинет их маленькой рабочей группы раскладушку, так что порой даже не возвращался домой, укладываясь под утро и просыпаясь тогда, когда после

одиннадцати появлялся Гуревич.

Исаев, наблюдая эту дику вольницу, только злился, пыхтел и багровел еще больше. Сначала он думал, что это все временно, что хитрый еврей Гуревич просто удачно пустил пыль в глаза руководству и скоро те, кому полагается, во всем разберутся, и уж тогда он, Исаев, своего не упустит. Но время шло, а ситуация только усугублялась: Гуревич с независимым видом дефилировал через проходную мимо Исаева через два часа после начала рабочего дня, громко рассказывал в курилке последние новости «ВВС» и «Голоса Америки», еще и похваляясь каким-то собственноручно собранным аппаратом, который при помощи БЧХ-кода убирает глушащие помехи, и при всем этом заходил, не спросясь, в кабинет самого Чепцова, как будто к теще на блины. Ильинский с длинными волосами и бородой стал похож на какого-то приходского попа, а когда он как-то поутру приволок на работу здоровенный рюкзак и раскладушку, терпение у Исаева лопнуло. Он засел в кабинете и потратил несколько часов и немало бумаги, пока оттачивал формулировки, но изложил все: и про нарушения трудовой дисциплины, и про политически вредные разговоры, и про внешний вид, не забыв напомнить также про «пятый параграф» и отсутствие партбилета. На этот раз ответ пришел быстро. Исаеву позвонили из Москвы и в ёмких, не терпящих двоякого толкования выражениях порекомендовали оставить молодых перспективных ученых в покое, а лучше смотреть за собой, чтобы случайно не оказаться вдруг начальником особого отдела где-нибудь на Таймыре. Майору не оставалось ничего, кроме как, угнездившись в своей сумрачной обители среди клубов табачного дыма, наблюдать угрюмо за триумфом Гуревича и Ильинского.

К этому времени на них работали почти все вычислительные и интеллектуальные мощности страны. Количество сделанных прорывных открытий и изобретений в смежных областях исчислялось десятками.

С того самого первого разговора за шахматами, августовским днем 1982 года, когда Савва впервые рассказал об идее универсальной бинарной волны, жизнь не стояла на месте: достойное эпической песни противостояние между МВД и КГБ прошло переломный момент – перестрелка между сотрудниками милиции и госбезопасности в правительственном доме на Кутузовском, отключенная на сутки телефонная связь в Москве – и завершилось полной победой чекистов; вместе со старым генеральным секретарем в небытие проваливались целые пласты уходящей эпохи, по стране катились волны партийных чисток, громких арестов и тихих самоубийств; дружинники по будним дням вылавливали в кинотеатрах и парках прогульщиков и тунеядцев.

Военный бюджет страны, треща по швам, раздулся в разы, откликаясь на новые вызовы гонки вооружений, американскую «Стратегическую оборонную инициативу» и программу «Звездные войны». Истребители 40-й авиадивизии сбили над Сахалином вторгнувшийся в советское воздушное пространство корейский «Боинг-747», что стало очередным поводом назвать Советский Союз «империей зла», а уничтожение нарушителя государственной границы – «преступлением против человечества, которое никогда не должно быть забыто». Женевские переговоры по ограничению стратегических вооружений окончательно зашли в тупик; американские ядерные ракеты были размещены в Великобритании, Италии и ФРГ, что сократило полетное время – а значит, и время от пусть даже случайного запуска до полноценного ядерного конфликта – до четверти часа. В ответ СССР разместил свои оперативно-тактические комплексы в Чехословакии и ГДР.

За Галей Скобейдой вдруг попытался ухаживать один из операторов ЭВМ, и она очень переживала по этому поводу, потому что парень он был хороший, а Галя не знала, как ему отказать. Она обратилась за советом к Леокадии Адольфовне, как к очевидному эксперту по решительным и однозначным отказам, дала понять неожиданному поклоннику тщетность надежд и продолжала привычно готовить на двоих свои вареники, драники и борщи, только носить их теперь приходилось несколькими этажами выше.

У Гуревичей объявился очередной неожиданный родственник – троюродный брат отца по материнской линии, которого считали пропавшим без вести во время войны. Звался он дядя Володя, ему было где-то за шестьдесят, но старым назвать его бы никто не решился: крепкий, уверенный, коренастый, с густыми седыми волосами, по старинной моде зачесанными назад, из породы тех нестареющих жизнерадостных бодрячков, которые до могильной черты сохраняют энергетическую подвижность и живость. Женя был от нового родственника в восторге: тот, невзирая на годы, находился в курсе всех актуальных общественных и модных тенденций, умением рассказывать анекдоты едва ли не превзошел саму маму Цилю, очевидно обладал мастерством по части женского пола, и – что немаловажно – работал в советском торгпредстве в Америке. Последнее обстоятельство в те времена делало такого родственника просто бесценным. Он жил в Москве, по делам службы проводил много времени за рубежом, но вот сейчас, готовясь уйти на заслуженный отдых, решил разыскать кого-нибудь из потерявшейся в лихое военное время родни – и нашел, вот ведь радость!

– Специально написал заявление на перевод в Ленинград, – сообщил дядя Володя Гуревичу-старшему, безуспешно пытавшемуся восстановить в памяти извилистое генеалогическое древо, на одной из ветвей которого произрос новоявленный родственник. – Думаю, годы уже не те, скоро пенсия, а там и в утиль. Надо быть поближе к родне!

От такого признания слегка забеспокоилась мама Циля, предположившая, что дядя Володя решит поселиться у них до самой упомянутой им утилизации, но тот быстро развеял страхи: пока поживет в гостинице, потом переедет в ведомственное жилье, так что стеснять не будет, чем сразу расположил к себе уже окончательно и бесповоротно. Очарованный Женя познакомил с ним Савву, рекомендуя это знакомство в том смысле, что теперь не будет проблем с получением самых актуальных научных журналов и книг из-за океана. Дядя Володя умудрился обаять даже замкнутого и не очень-то стремящегося к знакомствам Ильинского: долго тряс его руку в своей широкой, крепкой ладони, говорил, как рад встрече, и категорически просил обращаться с любой просьбой или проблемой.

Савва пообещал, что непременно воспользуется, хотя в решении его актуальных рабочих проблем помочь ему мог только он сам.

В середине марта 1984 года в Пулково приземлился специальный борт из Москвы. На нем прибыли члены комиссии Министерства обороны, столь внушительной по составу, что если сравнивать с представителями головного НИИ, когда-то принявшими решение о старте работ по проекту УБВ, то можно сказать, что тогда не приезжал никто вовсе. Несколько черных бронированных автомобилей в сопровождении сверкающего милицейского эскорта и неброских комитетских машин промчались по городу от аэропорта до НИИ связи на Васильевском острове, где еще со вчерашнего дня дежурило два десятка сотрудников госбезопасности. Предстояла оценка достигнутых результатов на самом высшем уровне.

Солнце спряталось от греха подальше, и день за окном подернулся влажным и серым; никаких легкомысленных солнечных зайчиков не было и в помине. Гипсовый белоснежный Ильич смотрел в зал нервозно и строго. На кумачовой сцене в президиуме тусклым золотом на погонах мерцали огромные шитые звезды и поблескивали дубовые ветви на кителях. В сгустившейся тишине звук неосторожно подвинутого стула или стук упавшего карандаша отзывались неприличнейшим и вызывающим грохотом. Острых дискуссий, едких выпадов, оппонирования и фехтования у грифельных досок не ожидалось, но напряжение было таким, что у Гуревича вспотели ладони, и даже Савва немного разволновался, как перед важнейшим экзаменом.

На этот раз они выступали вдвоем. Первым начал Ильинский и озвучил выводы расширенного и уточненного теоретического обоснования проекта. Ими являлись:

– допустимо утверждение, что возможно создать и направить Универсальную бинарную волну (УБВ) при помощи радиосигнала, создаваемого имеющимися на вооружении техническими средствами;

– УБВ в оболочке из радиосигнала способна полностью подавить – точнее, заставить исчезнуть – любой вид электромагнитного излучения заданного диапазона; это приведет к полному нарушению работы всех видов радиолокационных средств ближнего и дальнего обнаружения, как тактических, так и стратегических, а также всех средств связи любого назначения, не исключая расположенных на околоземных орбитах, принадлежащих вероятному противнику или группе противников, например странам блока НАТО.

Выводы не обсуждались и не подвергались сомнению: все было проверено и перепроверено десятки и сотни раз.

Вторым выступал Гуревич с докладом о технической стороне дела. Его основными тезисами были:

- излучение сигнала-носителя УБВ возможно при помощи любой штатной передающей аппаратуры достаточной мощности;

- в распространении УБВ задействуется сеть связи противника, для этого достаточно передать разрушающий сигнал на любое приемное устройство, после чего волна начинает масштабироваться и распространяться по принципу вирусного заражения со скоростью, близкой к световой, выводя из строя все радиоэлектронные устройства заданных характеристик;

- сигнал УБВ будет иметь свойство скрытой помехи: все средства связи и обнаружения, видимо, будут работать в штатном режиме, но перестанут функционировать по боевому предназначению;

- для защиты собственных радиолокационных станций и систем связи предложено инженерное решение, согласно которому УБВ будет поражать только устройства с определенными известными сигнатурами, соответствующими радиоэлектронным устройствам вероятного противника.

Неясным оставался только один, самый важный вопрос: какие параметры должен иметь радиосигнал-носитель, чтобы создать и передать квантовые колебания? Без понимания этого весь проект оставался только прекрасной, но неосуществимой теорией. Для того чтобы двигаться дальше, к опытно-конструкторским работам, требовалось составить простейшее техническое описание, но к нему вели расчеты такой сложности, которые под силу были только автору самой идеи.

Поэтому по окончании докладов Савве задали только один вопрос:

- Когда?

И так как он затруднился с ответом, ему этот ответ подсказали:

- Срок – до конца второго квартала.

После заседания Савву пригласили в кабинет начальника НИИ. Контр-адмирал Чепцов сидел за столом для совещаний, перед ним стояли чашки, чайник и сахарница с узорами из кобальтовой сетки, а напротив расположился сам председатель приемной комиссии, хорошо известный Савве по портретам в газетах и на транспарантах.

- Вот, Савва Гаврилович, товарищ Маршал Советского Союза хочет с тобой познакомиться, – сказал Чепцов и встал, уступая место Ильинскому.

- Здравствуйте, Дмитрий Федорович, – поприветствовал Савва и

пожал протянутую ему руку.

– Садись, Савва Гаврилович, – пригласил маршал. – Надолго не задержу.

У него были добрые глаза, но жесткий взгляд человека, который смог поставить на место и пережить саму жизнь.

– Скажу честно, я в твоих расчетах не разбираюсь, – признался он. – Отстал от передовой науки, грешен. Когда я во время войны управлял всеми военными заводами страны и у меня работали лучшие инженеры тех лет – тогда еще кое-что знал. Нынче не то. Но суть предложения я понимаю. А ты, Савва Гаврилович, сам понимаешь, что такое изобрел? Масштаб осознаешь?

Савва осознавал.

Где-нибудь в Баренцевом море, у мыса Нордкап, или в Атлантике, в районе Гибралтара, в «лошадиных широтах»^[6] или у берегов Кубы белый корвет радиоэлектронной разведки сблизится с авианосной группой противника и пошлет по открытой частоте простейшее сообщение с закодированной УБВ. Собственно, сделать это может хоть контейнеровоз, послав сигнал на любой корабль противника, береговым службам, куда угодно. Меньше чем через минуту все без исключения технические боевые единицы противника, где бы они ни находились, утратят возможность радиосвязи. Военно-морские суда и соединения, подводные лодки, самолеты и сухопутные базы окажутся окутаны совершеннейшей тишиной, а попытки связаться с командованием и друг с другом, если таковые вдруг будут предприняты, останутся тщетны. Все радиолокационные средства ближнего и дальнего обнаружения мгновенно замрут, на экранах радаров будет спокойно и пусто, и ничто не нарушит мирного несения вахты до того мига, пока кто-нибудь не увидит стремительно подлетающей ракеты. Если предположить вдруг, что у того, кто успеет заметить несущуюся со скоростью, многократно обгоняющей звук, крылатую смерть, хватит самообладания и времени для того, чтобы схватиться за радиопередатчик, ничего и никому сообщить он не сможет. Первыми будут уничтожены авианосные соединения, атомные подводные лодки и мгновенно ставшие беспомощными стратегические бомбардировщики вместе с сопровождающими истребителями. Потом из шахт где-нибудь под Саровом, на Урале, в Сибири и на Камчатке выйдут баллистические ракеты, пуск которых никто не заметит, а одновременно с этим тактические ракетные средства начнут выжигать установки малой и средней дальности в тех европейских странах, которые имели неосторожность их разместить. Вероятно, в отдельных случаях с этой целью будут применены один или

два маломощных ядерных заряда. Безусловно, отсутствие связи с находящимися на боевом дежурстве подразделениями вызовет тревогу, но, во-первых, по всей территории потенциального противника работать будет только кабельная телефонная связь, а во-вторых, времени, чтобы разобраться в ситуации и принять какие-то меры, просто не хватит. Экраны радаров по-прежнему останутся чисты; пока по стационарным телефонам пройдут проверки и согласования, пока будут приняты решения и, наконец, окажется задействована линия экстренной межправительственной связи для прояснения ситуации, баллистические ядерные ракеты уже начнут вонзаться в пусковые установки, командные центры, военные базы, заводы и атомные электростанции. В случае если по какой-то причине противник в ситуации нестандартной и не предусмотренной никакими уставами и регламентами, в условиях отсутствия связи с подразделениями и объективных доказательств атаки все же успеет запустить несколько ответных ракет, то без работающей системы локации и наведения они станут легкой мишенью для средств ПВО. Самое большее, через два часа после активации УБВ мир изменится раз и навсегда.

Из доктрины ГВУ – гарантированного взаимного уничтожения – пропадала вторая буква.

– Так точно, понимаю, – ответил Савва, невольно перейдя на военную лексику.

– Обстановка в мире сейчас знаешь какая?

– Да, знаю.

Маршал снял очки и устало потер переносицу.

– Очень многое зависит от тебя сейчас, Савва Гаврилович. В гонке вооружений, которую нам навязали империалисты, мы сейчас догоняющие, так уж вышло. И скажу тебе честно, догоняем мы пока их с грехом пополам. Если получится то, что ты предлагаешь, это изменит баланс сил в мире, ни больше ни меньше. И мне – нам! – нужно прямо сейчас решать, какой стратегической линии будем придерживаться в ближайший год-полтора. Пока не получим на руки, так сказать, решающий аргумент. Образно говоря, представь себе командира батальона на передовой, который удерживает высоту от превосходящих сил противника. Если он знает, что через два часа подойдут танки – то будет стоять насмерть, а то и на контратаку решится. А вот если нет, то появляются варианты. Может быть, отступить, закрепиться на другом рубеже, сманеврировать, да хоть в лес уйти и там партизанить. Вот я и хочу, чтобы ты, глядя сейчас мне в глаза, ответил: подойдут танки?

Савва не отвел глаз:

– Подойдут, товарищ Маршал Советского Союза.

Маршал вздохнул.

– Признаться, я позволил себе посоветоваться перед нашим заседанием кое с кем. Ты с ним знаком. Академик Пряныгин. Знаю, он уже давал год назад свое заключение, но всё же... Я прямо спросил его мнение: возможно ли в принципе реализовать этот проект.

– И что сказал Иван Дмитриевич?

– Он интересно так ответил, в своем духе. Мол, если кто-то это и сможет сделать, то только Ильинский. А потом добавил: и не сделать может тоже только он. Как это понимать?

– Не знаю, товарищ маршал.

– Тогда ты мне скажи сам: сделаешь эти свои расчеты?

Савва задумался на мгновение, а потом твердо сказал:

– Да.

– Ну, добро. Верю в тебя, Савва Гаврилович. От имени партии и правительства это говорю. Все, иди и берись за работу.

И они снова пожали друг другу руки.

* * *

Кортеж из черных автомобилей исчез, как и появился, и площадка перед НИИ опустела. Хмурый весенний день был как будто не в духе: надвинулись тучи, посыпался мокрый снег с крупным холодным дождем, и солнце раньше времени засобиралось за горизонт. В просторном кабинете сгустились тревожные сумерки, и пришлось включить лампы дневного света, от чего стало еще тоскливее и бесприютнее.

Савва с Гуревичем сидели за длинным широким рабочим столом, заваленным высокими пачками перфорированной бумаги с расчетами, черновиками, рулонами миллиметровки, перфокартами и промасленной оберткой из-под Галиной снеди, и играли в шахматы. Партия не клеилась: фигуры словно утратили интерес к состязанию, прониклись друг к другу неожиданным миролюбием и бесцельно толклись по доске, сцепившись в итоге в неразрешимый цугцванг, явно стремясь свести поединок к ничьей. Настроение у обоих друзей было подавленным: вроде бы и защита прошла без сучка и задоринки, и оценка работы оказалась самой высокой, но то ли погода стала тому причиной, то ли усталость, то ли неожиданное осознание, к чему и насколько близко они подошли в своих изысканиях, но в голову лезли невеселые мысли и радоваться не хотелось.

Они долго играли молча. Потом Савва задумчиво произнес:

– Думаешь, наши это действительно сделают?..

– Что?

– Ударят первыми.

Гуревич покачал головой:

– Нет, не думаю. Но... Не знаю, старик. Не знаю.

– Даже при ограниченном поражении последствия для планеты могут быть катастрофическими, – заметил Савва.

Гуревич шумно вздохнул.

– Не хотел тебе говорить, но если уж зашла речь... Мне тут по секрету шепнули, что специализированному НИИ уже дали задание просчитать экологические последствия ядерного удара по Северной Америке и Западной Европе. Я лично считаю, что до этого не дойдет, просто для полноты картины анализируют... Хотя кто знает. Будем надеяться на здравый смысл.

– Я тоже только на него и надеюсь. Смогли же остановиться во время Карибского кризиса.

– Сейчас ситуация другая. Знаешь, если сравнивать, то в шестидесятые напротив друг друга стояли взвинченные, разгоряченные мальчишки с ножами в руках, вдруг осознавшие, что действительно могут пролить кровь и что дело, скорее всего, окончится двумя трупами. А сегодня это двое взрослых мужчин с крупнокалиберными пистолетами, раздраженных и, что самое главное, изрядно друг от друга уставших. Если что-то и сдерживает их от того, чтобы начать стрельбу, то только перспектива отхватить пулю в ответ, пусть и от фактически убитого оппонента. А представь, что один из них получает возможность спокойно выстрелить в лоб другому, так, чтобы точно и наверняка?

Они помолчали. В окно настойчиво бились тяжелые капли дождя. Монотонно гудели лампы под потолком.

– У меня сегодня министр спрашивал, уверен ли я в том, что смогу одолеть последний блок расчетов, – сказал Савва. – Я ответил, что да. Как думаешь, может, передумать, пока не поздно?

Гуревич удивленно воззрился на друга:

– Да ты что, старичок?! Почему?

– Чтобы не провоцировать одного из усталых мужчин с пистолетом.

– Да брось ты! – Гуревич замахал руками. – Это же я так, ради яркого образа! Ушам не верю! Неужели ты вот так можешь все бросить, когда мы в шаге от успеха? Сдаться и уступить?

Савва молчал; это молчание Гуревичу было хорошо знакомо, и оно

беспокоило куда больше, чем гипотетические ядерные бомбардировки, потому что грозило крахом для совершенно понятных, близких и очень реальных для него лично вещам.

– Лично я уверен, что дело ограничится простой демонстрацией превосходства, – убеждал он. – Испытают УБВ в деле, оглушат пару каких-нибудь крейсеров, может, береговую локационную линию вырубят, а потом, как водится, используют преимущество в политических целях: америкосы откуда-нибудь уйдут, где-то уберут ракеты, мы установим социализм в каких-то отдельно взятых малоизвестных странах. Ну, ФРГ присоединим к ГДР как максимум. И все. Это вопрос первенства и паритетов, пойми.

Савва продолжал отмалчиваться. Вместе с пасмурным днем меркли блестящие жизненные перспективы. Гуревич лихорадочно перебирал в уме аргументы.

– И вот еще что, – сказал он серьезно. – Ты, дружище, конечно, гений, тут спора нет. Но как считаешь, ты один такой в мире?

Ильинский поразмыслил немного и ответил:

– Нет, не один.

– Вот! А откуда нам знать, что сейчас где-нибудь в Массачусетсе кто-то столь же головастый не работает над такой же идеей, а? Может, они уже завтра к испытаниям приступают, возможно такое, теоретически?

– Теоретически возможно.

– О чем я и говорю! И уж поверь, если у этих ребят в руках окажется аналог нашей УБВ, они колебаться не будут ни секунды. Они один раз два мирных города ядерными бомбами сожгли, сотни тысяч ни в чем не повинных гражданских, между прочим, только для того, чтобы продемонстрировать свое превосходство. Это наши еще могут раздумывать и решать, а у этих ястребов все просто, им что сипаев к пушкам привязывать, что индейцев оспой травить, что Дрезден сровнять с землей, что японцев бомбить – все едино. Об этом подумай!

– Подумаю. Мат через пять ходов.

– Ах ты, леший!

На этот раз Гуревич продержался все семь, пока его белый король не сдался черному коню в углу поля, зажатый собственными пешками и беспомощно застывшим слоном. Они еще посидели немного, поболтали о разном, потом помолчали – каждый о чем-то своем.

На другом конце мира, за океаном, была глубокая ночь. По бесконечным, прямым, как стрела, широким шоссе среди кукурузных полей и пустынь, где ветер гоняет колючие шары перекаати-поле, скользят огоньки фар – это тяжелые мощные грузовики пробираются сквозь темные

мили. За рулем сидят крепкие парни с красными шеями и в бейсболках, слушают радио, думают о том, как заработать сынишке на колледж или выплатить закладную за дом; иногда их обгоняют мотоциклисты в кожаных куртках, банданах, с дикими бородами, на мощных «Харлеях» – они промчатся мимо, чтобы собраться у придорожного бара с красной неоновой вывеской, где их ждут друзья, бильярд, пиво «BUD» и музыкальный автомат с музыкой кантри и рок-н-роллом. Девушка с длинными золотистыми волосами, в которые вплетены бусины и колокольчик, поет песню, сидя на высоком стуле на маленькой дощатой сцене, и в музыке растворено пространство бескрайних просторов, печаль и радости простой и суровой жизни. Грузовики минуют спящие трейлерные городки – кое-как сколоченные ступени, собачьи будки, сеточные ограждения, потрепанные флаги Конфедерации; проедут через сонный уют одноэтажных поселков, где самые высокие здания – муниципалитет и больница, обогнут сияющие россыпи огней никогда не засыпающих мегаполисов и растворятся в ночи, где-то за фантастическими ландшафтами Большого Каньона, похожего на инопланетный пейзаж. Наступит утро, откроются двери домов, мужчины поцелуют жен и детей, поедут и пойдут на работу, в мотелях отправятся на боковую усталые водители грузовиков, байкеры после вечеринки не бросят перебравших друзей и кое-как доволокут их до тесных квартир, закроются бары, откроются утренние кафе, где подают на завтрак кофе и блинчики с кленовым сиропом, и все будет, как всегда, хорошо и спокойно, и было бы просто прекрасно, если бы не мрачная, холодная, угрюмая держава за океаном. Там люди круглый год ходят в меховых шапках, говорят на грубом рычащем наречии, там тюрем больше, чем жилых домов, да и те обнесены колючей проволокой, в каждом дворе – по установке с ядерными ракетами, там водка, тягучие тоскливые песни, сугробы, шашки, казаки, безграмотность, злоба, Политбюро, генералы в каракулевых папахах и желание уничтожить все светлое и свободное, что есть в мире.

Но нас тоже на мякине не проведешь. Мы тоже все про них знаем. Учительница в маленьком городке, где у каждого перекрестка вросли в землю тысячелетние церкви и башни, где еще сохранились деревянные тротуары, где в краеведческом музее лежат под стеклом трогательные реликвии далеких эпох и боевые награды почивших героев Великой Отечественной; рабочий на машиностроительном заводе, проводящий смену за сменой в цеху, у конвейера, в жаре, грохоте, машинном масле; октябрята, рисующие стенгазету о пионерах-героях; врач сельской больницы и шофер-дальнобойщик, что в долгой дороге сквозь темные километры слушает радио, думает о покупке велосипеда сынишке и о том,

как накопить на путевку в Дом отдыха на Чёрном море – все в курсе, что там, за океаном, оцетинился боеголовками «Першинг» агрессивный империализм. Там круглый год ходят в ковбойских шляпах, жуют жвачку, бьют почем зря негров, там то и дело стреляют на улицах, убивая друг друга за доллар; там люди с ястребиными носами и выступающими подбородками, что ни день, строят козни против Страны Советов, там Ку-клукс-клан, Госдеп, безжалостные генералы в фуражках с высокой тульей, а молодые невежественные парни с бычьими шеями рвутся на службу в морскую пехоту, горя желанием убивать борцов за все светлое и свободное, что есть в мире.

В гипотетической грядущей войне не будет места отваге и доблести; не будет лихих кавалерийских атак, не поднимется в штыковую пехота, не уступая ни пяди земли оккупантам, двадцать восемь бойцов не встанут грудью на пути танковых клиньев, восемнадцать ребят не останутся на безымянной высоте, никто не пойдет на таран, не направит горящий бомбардировщик в колонну вражеской техники. Честь и мужество никогда более не одержат победы; ее принесут нарушение договоренностей, обман доверия, хитроумный ход, невероятно бессовестная ложь и полное, совершенное отсутствие сострадания к ближним и дальним. Победит тот, кто решится ударить первым – и будет знать точно, что не получит в ответ сдачи.

Гуревич засобирался.

– Ну что, ты идешь? – спросил он у друга.

– Нет. Пожалуй, поработаю еще. У нас срок до конца второго квартала, помнишь?

* * *

Второй квартал прорыва в деле не принес.

Пообещать маршалу своевременный подход долгожданной танковой бригады оказалось куда проще, чем выполнить обещание; продолжая эту выразительную метафору, в которой слышались отголоски военного опыта человека, ныне отвечающего за обороноспособность страны, можно было сказать, что танки безнадежно увязли в глубоком болоте по пути к передовым позициям, тщетно взрывая гусеницами жидкую грязь и пережигая надсадно ревущие двигатели.

Чем ближе подходил назначенный срок, тем чаще со всех сторон задавались тревожные вопросы о статусе работ; никто не давил и уж тем

более не грозил последствиями, но Савве было достаточно и общей нервозности, чтобы самому утратить тот глубокий, будто лесное озеро, невозмутимый покой, что необходим для решения беспрецедентной задачи.

Савва понимал, что поиски его давно вышли за рамки, которыми принято отделять науку от сомнительной ничейной зоны, за широким простором которой желтеют стены психиатрических клиник. Он все дальше погружался в область квантового мистицизма, ведя поиск универсального кода творения, который создает и разрушает мнимую реальность, состоящую из межатомной пустоты, – так чародей-неофит пытается методом проб и ошибок самостоятельно вывести формулу могущественного заклинания из гримуара великого мага.

– Мне требуется математически рассчитать абсолютную гармонию, найти звук, который способен запустить нужный поток колебаний на квантовом уровне, – объяснял он Гуревичу. – Я ищу Изначальное Слово.

– Старик, поосторожнее с определениями, – беспокоился тот. – Ты-то человек беспартийный, а вот меня и всех прочих за подобные выражения не похвалят. Поповщина какая-то.

– Это вопрос выбора терминологии, – спокойно ответил Савва. – В некоторых философских системах такое определение совершенно точно отражает суть наших поисков.

– Только не свихнись, я очень прошу. Может, тебе прерваться на два-три дня? Перезагрузить голову, отдохнуть.

– Я не устал.

К середине июня стало совершенно понятно, что на заседании комиссии по итогам второго квартала докладывать будет нечего. Савве перестали задавать вопросы и интересоваться состоянием дел; у победы много отцов, поражение – всегда сирота, и вокруг него образовалась та характерная пустота, которая окружает каждого человека в преддверии неизбежного и сокрушительного провала. Только верный друг Женя оставался с ним рядом, готовый делить на двоих и пьедестал почета, и эшафот.

К счастью, до последнего не дошло. Совещание сначала перенесли на июль, а потом и вовсе отменили; из Москвы пришел циркуляр, в котором все причастные оповещались о том, что итоговое заседание состоится в конце сентября. Этому подарку судьбы в виде почти трех дополнительных месяцев можно было бы радоваться, если бы к чувству облегчения не примешивалось беспокойство и тревожное понимание, что в министерстве произошло что-то серьезное. В НИИ теперь постоянно дежурила группа из оперативных сотрудников контрразведки, дополнительный пост появился

на лестничной клетке у коридора, где находилось рабочее помещение Гуревича и Ильинского, а обитателей всех других отделов на этаже переместили выше и ниже, безжалостно уплотнив и стеснив в других кабинетах. В довершение ко всему к ним обоим приставили по два оперативника и по водителю, сообщив максимально корректно, но директивно, что отныне перемещаться с работы домой и обратно они будут исключительно на специальных автомобилях с охраной. У домов на Приморском и Московском проспектах круглосуточно стояли микроавтобусы с задернутыми занавесками окнами, и мама Циля стала жаловаться на то, что за ней постоянно слоняется кто-то, как тень, куда бы она ни выходила, хоть в булочную, хоть на рынок, хоть к подружке в соседний подъезд. Из Новосибирска Гуревичу позвонил брат и натянутым голосом несколько раз уточнил, все ли в порядке: когда и вокруг него появились малозаметные и ненавязчиво ходящие следом люди, в чьей ведомственной принадлежности не приходилось сомневаться, старший Владимир решил, что младший Евгений «наконец доигрался». Леокадия Адольфовна ни на что не жаловалась, хотя и замечала с присущей ей зоркостью и незнакомцев, с напускным безразличием провожавших ее до работы, и пару новых поклонников ее драматического таланта, с каменными лицами присутствовавших на всех спектаклях: один в партере рядом со входом в зал, другой – на балконе по центру. Она отнеслась к этому с пониманием, как человек, прошедший суровую школу жизни и знающий, что высокие достижения и большая ответственность всегда соседствуют с необходимостью стеснять себя ради собственной безопасности. Для нее появление комитетской охраны было сигналом, что Савва взошел уже на ту высоту, которой она для него не могла и желать.

Мнительный же Гуревич, напротив, поначалу всерьез испугался, приняв охранников за надсмотрщиков, караулящих каждый шаг и вдобавок фактически взявших в заложники всех членов его многочисленного семейства.

– Это потому, что мы сроки сорвали, – тревожным шепотом делился он своими соображениями с другом, многозначительно упирая на дипломатичное «мы». – Теперь взяли под жесткий контроль. Если что, сразу арестуют всех и...

Где-то в наследственной памяти зашевелились ночные призраки автомобилей с погашенными фарами, звон кандалов цепочек дверных и маячащий за спинами мрачных людей в штатском непременный дворник в белом фартуке с бляхой. Его страхи удачно развеял дядя Володя: навел по своим каналам справки и успокоил изрядно перепуганного молодого

родственника тем, что повышенные меры безопасности связаны с каким-то происшествием по линии контрразведки, а не с подготовкой отправки в цугундер самого Гуревича и всего его злополучного семейства. Дядя Володя в это непростое, тревожное время вообще постоянно был рядом: шутил, подбадривал, интересовался, как настроение, а когда Женя совсем приуныл, сидя в вынужденном домашнем аресте и не имея возможности без оперативного прикрытия выйти ни в ресторан, ни на танцы, не говоря про то, чтобы завести там знакомство с легкомысленным продолжением, посоветовал не стесняться и обратиться с этим вопросом к своему руководству, и – о чудо! – сработало: сотрудники комитета ограничили свое присутствие в его жизни только сопровождением из дома в НИИ и обратно. Во всяком случае, в иных обстоятельствах они оставались полностью незаметными. Дядя Володя умудрился по просьбе Саввы достать редчайшие материалы семинаров Ника Герберта и Сола Сирага о природе реальности, которые те проводили в Эсаленском институте. Гуревич просмотрел их по диагонали: это была уже совершенная околорелигиозная чертовщина, слишком мутная даже по меркам западных мракобесов. Стало ясно, что в своих изысканиях его друг достиг крайних пределов здравого смысла, но, если для достижения результатов требовалось пересечь их полностью, Гуревич бы не возражал.

Вот только результатов все не было.

* * *

В июле Ильинский уже сутками не возвращался домой, и если бы не мама, а еще необходимость временами менять одежду и приводить себя в порядок, то и вовсе бы жил на работе. Леокадия Адольфовна переносила все стоически, зная, что явление это в любом случае временное и что заботливая Галя неусыпно бдит и не даст ее сыну оголодать и вконец изнурить себя непосильной работой.

У Саввы тем временем установился своеобразный рабочий режим. Он просыпался на раскладушке в своем кабинете около половины двенадцатого, умывался и чистил зубы в туалете в конце ныне безлюдного коридора, заваривал крепкий, смолистый чай и в полдень начинал очередную штурм неприступной крепости Изначального Слова. В ход пошло все, и не было мысли настолько безумной и парадоксальной, которая могла быть отвергнута. Он загорался каждой новой идеей и, что ни день, с каким-то болезненным жаром делился ими с Гуревичем:

– Я уверен, что медиатором для УБВ должен являться фонон со свойствами за пределами статистики Бозе – Эйнштейна!

Или:

– Барионные акустические осцилляции! Реликтовое излучение! Ты знаешь, что два процента белого шума на телевизионном экране – это эхо Большого взрыва, свет, который за тринадцать с лишним миллиардов лет превратился в микроволновое излучение? Нужно только восстановить исходный код начальной частоты, и дело сделано!

А то и совсем уж невразумительная абракадабра:

– Производная релятивистского пространства тропов для предлагаемой сферы иррациональных Гедеоновых множеств не вычисляется из-за Колмогоровской сложности. Уверен, что верный инструментарий находится в области некоммутативной алгебры.

Гуревич только кивал, озабоченно поглядывал на друга и пытался найти себе занятие.

Савва работал без перерывов часов до шести, пока не появлялась Галя с бидончиками, баночками и свертками. Они обедали, сидя втроем за огромным рабочим столом посреди кабинета: молча, если Савва молчал, или пытаясь поддерживать разговор со множеством неизвестных, если он все-таки заговаривал.

Часам к девяти вечера все расходились. Внизу запирались на ночь тяжелые двойные двери. Институт погружался в глухую непроницаемую тишину, какая наполняет обыкновенно пыльные коридоры и кабинеты, полные старых бумаг и массивных шкафов. Линолеум мягко скрадывал звук шагов. Лифты с открытыми дверями стояли на первом этаже, как механические швейцары у входа. На гулких лестницах в пустоте горел яркий свет. В эти часы Савва обыкновенно отправлялся гулять: спускался вниз, выходил в пронизанные тонким светом заходящего солнца нежные белые сумерки, переходил короткий изогнутый мостик, скрытый низко склоненными ветвями, и шел на раскинувшееся по соседству старинное городское кладбище.

Надтреснутый голос одинокого колокола плыл над тяжелыми летними кронами высоких деревьев. Из дверей церкви с выцветшим голубым куполом выходили, разворачиваясь и чинно крестясь, редкие прихожанки. Некоторые шли по широкой аллее к калитке в железной кладбищенской ограде, кто-то отправлялся вглубь, к часовне, – постоять, прислонившись к холодной известке стены, засунуть в щели между камнями записочки с нехитрыми житейскими просьбами. Савва глубоко вдыхал посвежевший после дневной жары воздух и сворачивал на одну из узеньких боковых

тропинок.

Тут было похоронено само время. На мертвых лицах мраморных ангелов лежала пыль, изрезанная дождевыми потеками, будто дорожками слез, и дрожала серая вуаль паутины. Под согбенными вековыми стволами зияли провалившиеся могилы с ушедшими в землю каменными розетками и покосившимися крестами. Полустертые буквы имен и цифры дат начала и окончания жизненного пути были подобны слабеющей памяти, из которой постепенно исчезают события и люди. Тихие склепы возвышались среди диких кустов заброшенными дворянскими особняками, куда к месту вечного упокоения навсегда переехали из пышных квартир с анфиладами комнат и загородных резиденций потомки гордых фамилий. Порой меж деревьев висел дым – кладбищенские сторожа жгли в кострах сор и опавшие сухие ветви, – окутывая могилы и памятники покровом мистической тайны. Савва шел по дорожкам, напиваясь тишиной вечности, пока не выходил к перекрестку, на котором стояла скамейка, а напротив – монументальный каменный склеп с провалившимся куполом крыши. У входа на страже застыли два коленопреклонённых ангела с вздытыми вверх изуродованными руками с отбитыми пальцами; они не уберегли последнего пристанища своих неведомых протезе: двустворчатые двери давно были выломаны, ступени, ведущие в подземную глубину, замшели и искрошились, а вместо пола неподвижно блестела черная поверхность воды. Пахло болотом, тлением, холодом. Савва присаживался на скамейку и некоторое время сидел неподвижно, рассматривая стены склепа: отлетевшие фрагменты мозаики, узкие заостренные окошки, декоративные ионические колонны фронтона, покрытые зеленоватой патиной времени и пятнами серой плесени, в которых угадывались странные знаки и лица. Савва проводил так, погруженный в безмолвие, полчаса, иногда час, пока внутренние механизмы рассудка не входили в гармонию с покоем этого места, освобождаясь от напряжения и суеты.

Потом он вставал и шел обратно; где-то за деревьями деликатно, но неотступно маячили стражи государственной безопасности – тоже ангелы своего рода, невидимо берегущие его на безмолвных дорожках царства смерти и вечности.

Институт встречал ночной тишиной. Можно было снова браться за дело, работать почти до утра, пока за окном не проснется ранний рассвет, чтобы на следующий день все повторилось сначала.

* * *

Кроме этих вечерних вылазок, Савва нашел себе еще одно развлечение, способ дать отдых напряженному разуму. Когда часам к трем-четырем утра мозг категорически отказывался работать, он устраивался в низком кресле у тумбочки с телефоном и вращал диск, набирая семь цифр номера «ленинградского эфира».

Была такая удивительная аномалия в работе старых городских АТС: набрав определенный номер, человек оказывался подключен словно бы к общей конференц-связи с десятками других абонентов, так же вышедшими в «эфир» – сейчас нечто подобное назвали бы анонимным голосовым чатом. Никто не знает, кем и когда был открыт этот феномен – как водится, грешили и на криминальные элементы, обсуждавшие таким образом свои преступные планы, и на милицию с КГБ, специально изобретшими столь изощренный способ улавливать в сети сомнительных и неблагонадежных, напрасно рассчитывавших на анонимность, но, так или иначе, к середине восьмидесятых пользователи эфира исчислялись тысячами, и там могло собираться разом до нескольких десятков, а то и сотен людей, и телефонное пространство наполнялось многоголосыми выкриками, основным содержанием которых было собственное имя, возраст и номер домашнего телефона.

Но в предутренние часы здесь было пусто и тихо, как в концертном зале посреди ночи. Эфир был развлечением, а в те времена ночного отдыха люди лишали себя ради работы и дела, а не для забав или болтовни с незнакомцами. Савва выходил в эфир, окликал, есть ли кто на связи, иногда разговаривал с кем-нибудь, хотя беседы большей частью не увлекали. То вдруг собеседником окажется какой-то хиппи, сутками сидящий сторожем в деревообрабатывающей мастерской и разговаривающий на таком сленге, что невозможно уловить и тени смысла; то какая-то взвинченная, всхлипывающая женщина целый час рассказывала о своей несчастной любви, о том, каким подонком оказался ее женатый любовник, и в конце концов сообщила Савве, что и он тоже козел. Но Ильинский и не искал диалогов; ему требовалось отражение, кто-нибудь, чтобы вслух проговорить занимавшие мысли, но его монологи из области высшей математики и квантовой физики были едва ли понятнее, чем молодежный жаргон неформалов или причуды женской логики.

Ранним утром 13 июля Савва, как обычно, устроился в кресле и набрал номер эфира. На часах было 3.12.

– Привет, – произнес он в чуть шипящую помехами пустоту. – Здесь кто-нибудь есть?

– Привет, – звонкий девичий голос прозвучал неожиданно четко и

близко. – Есть. Я.

Он почему-то вздрогнул.

– Как тебя зовут? – спросила девушка.

– Савва, – ответил он, чуть подумав. – А тебя?

– Не скажу. Чем занимаешься?

– Пытаюсь обойти Колмогоровскую сложность.

Девушка рассмеялась.

– Ого, математик!

– Да, – согласился Савва. – А ты?

– Я... – она на секунду замаялась, – можно сказать, социолог. Изучаю человеческие общества с точки зрения описания общих законов и составления долгосрочных прогнозов развития.

Савве стало интересно.

– Вот как? А какие методики используешь?

– Математическое моделирование.

– Стохастические модели?

– Детерминированные в основном.

Они разговорились, и это было похоже на чудо. Всякая магистральная наука многообразна; литературовед, специализирующийся на немецком романтизме, вряд ли найдет сочувствие своим изысканиям у эксперта по старославянскому языку, хотя они оба являются филологами; ботаник, классифицирующий мхи, чужд интересам зоолога, изучающего нервную систему высших приматов, хотя оба принадлежат к ученым-биологам. Но неизвестная девушка, отрекомендовавшаяся социологом, удивительным образом не только понимала то, что принялся ей рассказывать Савва, не только могла поддержать разговор на такие темы, в которых ни инженер Женя Гуревич, ни отличница Галя давно не были ему равными собеседниками, но и непостижимым образом разделяла его понимание сути проблем, оценила особый научный стиль и подход, а потом и сама выдала такой солидный номер на тему уравнения статистических преобразований, что их беседа стала похожа на невероятный дуэт вокалистов, наконец-то нашедших себе пару под статью.

Когда минут через сорок его собеседница заторопилась вдруг и стала прощаться, Савва был уже совершенно очарован – настолько, что даже неловко спросил у незнакомки номер ее телефона.

– Хорошо, – сказала она. – Записывай.

– Я запомню.

– Двести двенадцать...

И старательно, как прилежная школьница, продиктовала номер

«эфира».

– Очень смешно, – буркнул Савва.

– До встречи завтра! – засмеялась девушка и исчезла.

Стало тихо, только вновь зашуршали чуть слышно помехи. Савва посидел еще немного в задумчивости, слушая пустоту, пока в динамике не защелкало что-то, и громкий голос с сильным горным акцентом закричал:

– Алло! Жэнщины есть?! Жэнщины есть?! Алло!

Савва повесил трубку.

На следующую ночь он уже часов с двух начал беспокоиться, потерял концентрацию мысли и в итоге вышел в «эфир» в половине третьего, некоторое время терпеливо слушая вялый бесконечный диалог двух разнополых учащихся:

– Тя как звать-то?

– Лена.

– Понятно.

– А тебя?

– Коля. Работаешь, учишься?

– Учусь.

– Понятно.

– А ты?

– Я тоже.

Эта мука прекратилась незадолго до трех. Савва вслушивался в шелестящую тишину, время от времени, как радист на посту среди одиночества ночи, подавая сигналы в эфир:

– Алло? Здесь кто-нибудь есть? Алло?

Она появилась, когда большая минутная стрелка на круглых настенных часах, сухо щелкнув, упала вниз.

– Привет! Я здесь. Рада тебя слышать.

Уж как был рад Савва, и передать нельзя.

С того дня они разговаривали почти ежедневно. Иногда, очень редко, его таинственная подруга почему-то не выходила на связь: Савва ждал, мучился и не находил себе места, думая, что она пропадет навсегда. Но потом незнакомка снова отзывалась на его позывные в тишине раннего утра, и они разговаривали, и в эти часы и минуты он был счастлив почти абсолютно, как может быть счастлив тот человек, что нашел вдруг совершенный гармонический отклик тонким струнам своей души. В математике она разбиралась превосходно, ей были близки волновавшие его гипотезы и идеи, а когда тема чисел и символов исчерпывала себя в разговоре, они болтали о разном, но как будто всегда об одном. Правда,

девушка сохраняла инкогнито и раскрывать его не собиралась: она так и не назвала ни своего имени, ни номера телефона, а на другие вопросы отвечала уклончиво или отшучивалась:

– Ты из Ленинграда?

– Я издаю. Можно сказать, что я тут временно.

– В гостях?

– По работе.

– Сколько тебе лет?

– Сорока еще нет, – и смеялась серебряным звонким смехом.

Впрочем, Савву устраивала эта таинственность: в ней было очарование совершенства, а идеал не нуждается в адресе и паспортных данных.

Теперь он все время пребывал в каком-то приподнятом, радостном настроении, и это положительно сказывалось на работе. Нет, «изначальное слово» по-прежнему оставалось невычислимым, но Савва снова обрел почти вовсе утраченную уверенность в том, что решение непременно найдется. Перемены в состоянии друга не остались незамеченными Гуревичем, и наметанным глазом причины он определил сразу и точно:

– Ну, колись, старичок, кто она?

Савва зарделся, поупрямился некоторое время и рассказал. Гуревич выслушал, подивился, но виду не подал, а категорично решил:

– Дружище, ты должен пригласить ее на свидание!

– Зачем? – спросил Савва.

– Как зачем?! Я просто слов не нахожу... Встретитесь, сходите куда-нибудь, потом еще раз, отношения завяжутся... Ну как тебе еще объяснить?! Надо же вылезать уже из этого вашего эфира!

– Мне кажется, если бы она этого хотела, то как-то дала знать. А пока даже имени не сказала.

– Цену набивает! – уверенно констатировал опытнейший Гуревич. – Специально окутывает себя покровом тайны, играет с тобой. Прояви настойчивость!

– Нет... не хочу. Понимаешь, я боюсь что-то нарушить... Наверное, всему свое время.

Женя махнул рукой, но настаивать не стал: Савва натуральным образом светился в последнее время, перестал походить на помешанного, обрел быую спокойную силу, что вполне устраивало друга, ибо время шло, и отрывной календарь на стене неумолимо худел, приближая решающую дату окончания третьего квартала.

Однажды Савва вышел погулять раньше, чуть за полночь. Постоял

внизу, у дверей, вдохнул полной грудью такой чудесный, такой живой воздух, густо пропитанный запахами зрелой листвы и речной воды, какой бывает только счастливой летней ночью, и подошел к дежурившей у НИИ автомашине:

– Здравствуйте! Я хочу немного пройтись. Вы не могли бы подбросить меня до Стрелки?

– Конечно, Савва Гаврилович! Садитесь.

Они неспеша проехали через остров, по пустынным проспектам и линиям, мимо старых домов и новых трамваев, торопившихся к ночлегу в депо, мимо церквей без крестов и военных буксиров у пристани, пока впереди не раскинулась широкая панорама сверкающей отраженными золотыми огнями ночной Невы, над которой ростральные колонны прорезали дрожащее золото и голубоватые сумерки точеным изяществом силуэтов.

Савва поблагодарил своих хранителей и вышел из машины. Сезон белых ночей миновал, но смеркалось все еще очень поздно, и солнце не торопилось возвращаться за горизонт, наслаждаясь коротким северным летом; только после полуночи на краткий час прозрачная синяя темнота сгущалась над городом, а потом снова таяла, уступая место предшествовавшей рассвету нежно-розовой белизне. Дворцы и раскидистые деревья скверов, мосты и грифоны, львы и ангелы спали в молочных сумерках. На набережных былолюдно и празднично, шумные компании проходили по узким каменным тротуарам, тихие пары, склонившись друг к другу, неподвижно стояли на ступенях у самой воды, где-то звенела гитара, а речные трамвайчики проплывали величественно и важно, думая о себе как о белых пароходах. И так хорошо, так красиво, так торжественно было вокруг, что Савва зашел в телефонную будку, снял трубку, опустил в прорезь монетку и позвонил. Было около часа ночи, и он был уверен, что его незнакомки сейчас нет в «эфире», но ощущение радости и гармонии настолько переполняло его, что он не мог хотя бы не попытаться поделиться этим удивительным чувством.

На его привычные позывные никто не ответил. Эфир был пустым, как забытая комната.

– Я сейчас на стрелке Васильевского, – сказал Савва.

Он задумался, подбирая слова, но их не находилось, и поэтому продолжил просто:

– Тут очень красиво.

Потом помолчал еще немного и добавил:

– Я бы хотел, чтобы ты была сейчас здесь и тоже это видела.

И очень отчетливо, как всегда, будто совсем рядом, в динамике прозвучал ответ:

– Я вижу.

* * *

Савва при всей своей очарованности про секретность не забывал и про то, где и над чем конкретно работает, не распространялся, да и загадочная знакомая никогда об этом не спрашивала. Но сугубо теоретическими проблемами он охотно делился. Июль катился к концу, в воздухе уже повис едва заметный пока запах дыма от тлеющих в округе болот, и однажды ночью, оставив безуспешные попытки упорядочения бесконечности, он высказался о наболевшем подруге. Та внимательно выслушала, задала пару вопросов, а потом сказала:

– Ты же знаешь о том, что для решения неразрешимой задачи нужно подняться на уровень выше?

– Эйнштейн.

– Да. Но тебе, мне кажется, нужно спуститься на один уровень ниже, понимаешь?

– Не очень.

– Ты пытаешься штурмовать в лоб, лезешь все выше и выше и в итоге сталкиваешься с такой совокупностью иррациональных множеств, которые принципиально не могут быть упорядочены системой любых уравнений. Попробуй посмотреть на саму задачу иначе. Если пренебречь сложностью и попробовать преобразовать все ключевые значения в простейшие оппозиции, например, привести к единице и нулю, то...

– То мне нужно будет преобразовать ноль в единицу, – ответил Савва. – Я думал об этом. Невозможно ухватиться за пустоту.

– Это если считать ноль обозначением отсутствия разряда. Представь, что это не пустота.

А может быть, он объяснил как-то иначе, а она по-другому ответила. Нельзя быть уверенным в точности слов тех, кто говорит на непонятном большинству языке о вещах, доступных немногим. Одно точно известно: незнакомка, встреченная Саввой в ленинградском телефонном эфире, вольно или невольно подсказала ему простой и удивительно очевидный способ решения.

Савва попробовал, применил – и как будто подалась неприступная дверь.

Теперь его было не остановить. В следующие два дня Савва с головой погрузился в неукротимый поток, унесший его за пределы этого мира, и забыл обо всем, постоянно находясь внутри этого неиссякаемого, мощного вдохновения – на работе, дома, в дороге, слыша преобразованные в цифру звуки изначальной гармонии в ворчании двигателя автомобиля, громе трамвая, ночных голосах, звоне о кромку тарелки металлической ложки, скрипе дверных петель, видя, как раскрываются в простых формулах геометрически совершенные фасады домов, преобразуется в непостижимый и строгий порядок хаос крон деревьев и дождевых облаков, рельсы простираются в идеально описанную лаконичными формулами бесконечность, улицы и туманное небо. Многим знакомо такое состояние высочайшей сосредоточенности и воодушевления, но если обычно оно продолжается минуты или часы, то Савва погрузился в него на двое суток, не занимаясь ничем, кроме дела, стремительно приближавшегося к финалу, даже не выходя в «эфир».

Телефонный звонок у него в кабинете раздался около десяти часов вечера на третьи сутки этой сверхчеловеческой, одержимой работы. Он мельком взглянул на аппарат – и тут же забыл про него, потому что формула Изначального Слова рождалась прямо сейчас, и прерываться было немислимо. Настойчивые дребезжащие трели замолкли и через полминуты зазвучали опять. Странно, но крошечный красный огонек индикатора под диском набора сейчас не светился, а следовательно, вызов был местный и шел, минуя институтскую АТС. Значит, звонила не мама, а кому вдруг поздним вечером в пустом НИИ вздумалось названивать ему в кабинет, Савве было неинтересно. Но телефон все трезвонил, отвлекая и раздражая. Савва встал, подошел к тумбочке, быстро снял и снова повесил трубку, а потом положил ее рядом с аппаратом. Стало тихо.

Не успел он дойти до стола, как телефон снова настырно задребезжал. Трубка лежала на тумбочке, но звонок все трезвонил, разрывая тишину кабинета. В иное время это могло бы испугать или удивить, но сейчас не было времени раздумывать над казусами телефонной связи, а потому Савва просто вырвал шнур из розетки, подождал немного, не оживет ли телефон снова, и поспешил вернуться к работе.

Минут через десять он скорее почувствовал, чем услышал какой-то назойливый звук: что-то шуршало или тихо шипело совсем рядом с ним, в кабинете. Савва поднял голову. Экран маленького черно-белого телевизора, по которому они с Гуревичем иногда смотрели выпуски новостей, светился, затянутый серой рябью помех. Савва машинально поднялся было, чтобы выключить телевизор, но тут сквозь шорох и скрипы белого шума из

динамика явственно прозвучал знакомый голос:

– Привет! Это я.

Он сел.

– Ты куда пропал? Два дня не общались.

Савва хотел было ответить, но не знал как. Обращаться к светящемуся запорошенному экрану означало окончательно перейти грань всякого здравомыслия.

– Нам надо поговорить, – сообщила она. – Извини, что лезу через телик, но я пыталась тебе дозвониться, а ты не ответил. Можно войти?

– Входи, – сказал Савва и не узнал собственный голос.

Пространство перед телевизором на мгновение подернулось рябью. Запахло озоном. Савва моргнул. Она стояла посередине кабинета и смотрела на него.

– Ты хотел узнать мое имя? Я Ишим Йанай Элохим Меген. Но можно просто Яна.

* * *

Здесь окончательно ломается и без того чрезвычайно зыбкая грань – едва заметная, как осенняя паутина на стеблях сухой травы, что лишь блеснет серебристой нитью в лучах заходящего солнца и тут же словно бы тает, сорванная легчайшим дуновением ветра, – та грань, которая последней чертой отделяет в нашей истории удивительное от совершенно уже фантастического. Впрочем, что есть фантастическое? Как метко заметил Савва Гаврилович Ильинский, фантастическое есть то, чего мы не встречаем по дороге с работы домой. Немного утрированное, как и всякая метафора, но очень точное определение. Наш разум старательно оберегает душу от лишних тревог и волнений, следуя проверенным тропам, опробованным решениям, знакомым маршрутам, не обращая внимания и не замечая того, что может нарушить давно сложившуюся картину мира, пусть и несовершенную – что с того? – зато спокойную и привычную. Многим трудно даются и самые простые изменения житейского уклада, что уж говорить про готовность взглянуть на действительность под совершенно другим углом. Нет уж, увольте.

Но и у тех из нас, кто считает свое сознание гибким, а разум – открытым к новому и необычному, есть свои пределы принятия, идет ли речь о так называемой мистике или о науке, которая, по моему глубокому убеждению, есть лишь социально приемлемая форма магии. Внутренняя

алхимия, трансмутация, обожение несовершенной человеческой природы? Звучит неплохо. Древние рукописные гримуары, содержащие мрачные тайны бессмертия и описание ритуалов, точное исполнение которых к этому бессмертию приведет? Ну, бывает на свете всякое. Шестисотлетний алхимик, колдун и упырь, живущий в коммунальной квартире в доме через дорогу? Вы что, шутите?!

Савва, безусловно, был готов к любым неожиданностям, переменам и потрясениям – человека, способного представить двадцать шесть измерений или частицу с отрицательной массой, не обескуражить ни чертом, ни ангелом. Он легко разложит любые инфернальные копыта и небесные крылья на логарифмы и интегралы; поэтому, когда ему удалось таки подцепить краешек реальности, о котором писал академик Пряныгин, и потянуть, уронив занавес, скрывающий тайные механизмы мироздания, Савва готов был к тому, что выступило навстречу ему из-за упавших покровов. Но были в этой истории два человека, которые не по своей воле оказались перед необходимостью превзойти границы своих возможностей к осознанию и, главное, приятию невероятного. Одним из них был ваш покорный слуга, другим – Евгений Гуревич, и для обоих мир изменился один раз и навсегда. Именно поэтому на то, что произошло в ночь на 8 августа 1984 года в одном из кабинетов НИИ связи ВМФ, мы посмотрим его глазами, а еще потому, что, и я в этом уверен, Гуревичу, как и мне почти двумя неделями позже, пришлось довольствоваться своего рода адаптированным переводом того, что пытался объяснить ему Савва и так называемая Яна. Не в смысле перевода на русский язык, нет; но адаптацией непостижимых понятий, которые для нас, людей, не привыкших оперировать пятимерными мембранами и точками с нулевой площадью, были выражены в доступных образах или звучании – как, например, имя Ишим Йанай Элохим Меген.

* * *

Савва был исполнен какого-то особенного, уверенного торжества, как астроном, презентующий научному сообществу только что обнаруженную звезду, в существовании которой давно был убежден и которую вычислил математически.

– Это многоразрядное имя, – объяснил он, – где первый член, «ишим», обозначает ранг, в данном случае самый, ну, как бы сказать...

– Низший, – спокойно подсказала Яна.

– Да, самый близкий к людям; «элохим» – собирательное обозначение их рода или вида, как у нас – «человек»; «меген» своего рода функция, скажем так, должность, которую можно определить как «страж, дозорный», и только «Йанай» – уникальное имя собственное. Как ты понимаешь, всё это абсолютная условность, приспособленная под наш способ языкового мышления, причем с учетом традиций конкретного культурно-исторического кластера, потому что в действительности их язык не имеет доступной нам формы.

– Понимаю, – ответил Гуревич и добавил без всякого выражения: – Что ж, отлично. Вот все и прояснилось.

Он тихонько сидел на краешке стула, сложа руки на коленях и опасаясь лишней раз шевельнуться. Человек, брошенный в яму с ядовитыми змеями, или арахнофоб, вдруг оказавшийся в тесной комнате, где все стены покрыты многоногим мохнатым покровом из шевелящихся пауков, чувствовал бы себя куда уютнее и спокойней, чем он сейчас здесь, в рабочем своем кабинете, в компании верного друга и существа со сложным многоразрядным именем.

Ильинский позвонил ему домой полчаса назад и попросил срочно приехать в НИИ. Голос у него был таким торжественным, а тон настолько многозначительным, что Гуревич мигом сорвался, поймал «частника» и примчался на Васильевский, уверенный в том, что друг нашел, наконец, долгожданное решение. Как оказалось, предположение это было верным, но только наполовину.

Гуревич сразу понял, кто она, как только вошел – не в том смысле, что эта девица и есть таинственная подружка Саввы из «эфира», а кто она на самом деле. Черт его знает как – понял, и все, почувствовал своим чутьем космического ксенофоба. Наверное, потому, что ситуация была какой-то неестественно дикой: одиннадцать вечера, почти ночь, в пустых коридорах ни души, тишина, все дежурные, как и положено, находятся на постах, ничто, как говорится, не предвещает – и вдруг в их кабинете, куда мало кто из сотрудников института мог войти без специального разрешения, сидит какая-то молоденькая девушка, тоненькая, с белой, как рыбье брюхо, кожей, с рыжими легкими локонами и большими бледно-голубыми глазами. Удивительно, как такой хрупкий и нежный облик мог произвести настолько зловещее впечатление: Гуревича передернуло даже, едва он ее увидел, и мурашки побежали по позвоночнику. Но хуже всего было, что она тоже увидела его: посмотрела в упор своими глазищами цвета звезд – и, он готов был поклясться, тут же узнала все мысли, все намерения, страхи и уже не выпускала из своего пугающе спокойного взгляда.

Так что да, Гуревич сразу все понял, но мозг это понимание принимать отказывался категорически и сопротивлялся, как мог.

– Привет, ребята! – жизнерадостно поприветствовал он. – Ну что, старичок, я вижу, все-таки решил пригласить девушку на свидание?

Он судорожно подмигнул, шутливо погрозил Савве пальцем и засмеялся так, что напугал самого себя.

– Женя, ты сядь, – дружелюбно посоветовал Савва.

Гуревич попятился, споткнулся и, едва не промахнувшись, уселся на стул за самым дальним концом длинного стола посреди кабинета. Незнакомка присела влоборота на край с противоположной стороны и с интересом разглядывала Гуревича, покачивая тонкой ногой в босоножке на тяжелой платформе. Ильинский, выглядевший спокойным и удовлетворенным, сел посередине.

– Итак, познакомьтесь, – предложил он. – Это Евгений Гуревич, мой коллега и лучший друг.

Гуревич скривился и попытался кивнуть; девушка чуть склонила голову набок, как будто насмешливо.

– А это Яна. Вернее...

Тут и прозвучало впервые многоразрядное имя.

Ну ничего, бывают разные имена, подумал Гуревич. Мама, например, урожденная Фрумкина Цецилия Эльяшевна-Гиршовна, подумаешь. Да и в этих «ишим» и «меген» слышалось что-то едва ли не родное.

Савва начал рассказывать – как всегда, негромко и обстоятельно, как если бы делал доклад перед ученым советом на давно и хорошо ему знакомую тему. Порой он бросал взгляд на Яну, словно желая убедиться в том, что все излагает верно, и она чуть заметно кивала в ответ. Гуревич слушал и чувствовал, как его сковало жуткое сонное оцепенение, из которого нельзя вырваться и невозможно очнуться.

– Это очень древняя цивилизация, которая насчитывает несколько миллиардов лет, они едва ли не ровесники нашей Вселенной. Напрашивающееся определение «инопланетяне» тут неуместно, потому что, собственно, нет никакой планеты, которую можно было бы атрибутировать как место их обитания или происхождения – как нет и никакой карнавальная мишуры наподобие звездолетов, космических станций, превращенных в исполинские города астероидов, скафандров, лучевого оружия и прочего в этом роде. Немного жаль красивой картинки, но факт. Да, определенные технические средства в их арсенале присутствуют, но лишь постольку, поскольку необходимы для взаимодействия с людьми на нашем, крайне ограниченном физическом

уровне, потому что их истинная природа не является материальной в традиционном понимании.

Гуревич слушал, медленно моргая одним глазом и глядя перед собой.

– Помнишь наш разговор про возможные формы существования внеземного разума? Забавно, что мы оба были тогда в чем-то правы. Элохим невозможно назвать гуманоидными существами в биологическом значении этого термина, как и существами вообще, потому что с нашей точки зрения они не существуют. Их истинная форма – волновая, причем реализуемая на глубоком субквантовом уровне. Это уровень колебания так называемой струны, которое она совершает в десятимерном пространстве, в ином измерении, которое всегда рядом с нами, но всегда недоступно. Такая волна со своими пиками и впадинами является носителем кода личности элохим, подобно тому, как магнитные ленты наших ЭВМ являются носителем информации, выраженной в единицах и нулях. Понимаешь?

Повисла пауза. Нужно было ответить. Гуревич откашлялся и сипловато сказал:

– Понимаю.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Савва. – Очевидно, что в данном случае стандартная модель, описывающая пространство и время нашего мира, не работает, как и сами понятия времени и пространства, применительно к уровню их бытия. В норме мы не пересекаемся. И тут ты, конечно, можешь спросить, как получается, что никаких колебаний десятимерных струн ты априори воспринимать не можешь, но тем не менее видишь сейчас Яну в доступном зрению образе? Ну, спроси!

Савва ободряюще улыбнулся.

– Как? – хрипло каркнул Гуревич.

– А вот теперь вспомни, что я тебе говорил про УБВ – и полюбуйся воочию на пример того, как субквантовая волна преобразуется в электромагнитное излучение!

Гуревич уставился на Яну. Та озорно улыбнулась и вскинула голову, встряхнув рыжие кудри, предлагая полюбоваться.

– В нашей трехмерной реальности элохим могут проявить себя в форме любого электромагнитного излучения, от радиосигнала до света, сгенерировать любой звук и образ. Облик, который ты видишь, формально не существует, это произвольно выбранное изображение, он мог быть каким угодно... да, каким угодно...

Савва вдруг запнулся, опустил глаза и замолчал. Потом посмотрел на сидящую на краю стола девушку, и Гуревич, в каком бы состоянии ни

находился сейчас, все же заметил этот взгляд: он была не влюбленность, нет, тут было что-то другое, какое-то счастье подтвержденного знания, словно истово верующий наконец воочию узрел чудо, в существовании которого никогда и не сомневался. Если бы Женя мог тогда чуть поразмыслить над тем, что позволила увидеть никогда не изменявшая ему наблюдательность, если бы верная напарница этой наблюдательности, интуиция, не пряталась сейчас где-то в пятках вместе с перепуганной насмерть душой, если бы он за два года почти ежедневного общения с Саввой дал себе труд не только развлекать себя и друга играми в шахматы и беседами о науке и адюльтере, но постарался узнать его лучше, глубже, полнее как человека, то, может быть, ему бы удалось без всяких математических трюков, а просто сложив два и два, разгадать истинную причину удивительного спокойствия и уверенности своего друга – и предостеречь его от ошибок. Но Гуревич не смог этого сделать, ибо все, что было в нем рассудочного и интуитивного, было парализовано сейчас ужасом и потрясением, и вместо того, чтобы удержать от ошибок своего друга, он стал множить выводы, а затем и поступки, один неправильнее другого, дальше и дальше.

– Да, каким угодно, – продолжал Савва, тряхнув головой, будто прогоняя какую-то незваную мысль. – Очевидно, что в виде электромагнитного излучения они подчиняются определенным законам природы – как известным нам, так и еще не открытым, но их уровень власти над материей простирается так далеко, что позволяет не только генерировать волновые колебания любой частоты, но и создавать для особых целей и случаев материальные объекты, существующие по обычным физическим законам с некоторой поправкой на исключительность создавших их технологий.

Розыгрыш, вдруг понял Гуревич. Или издевательство над больным человеком – с какой стороны посмотреть. Ильинский, как и следовало ожидать, переутомился до крайности, его мозг, не в силах справиться с нечеловеческими перегрузками, принялся работать в другом, привычном, но не настолько энергозатратном направлении, взявшись за размышления о вземном разуме, и тут эта девица, сомнительная знакомая из телефонного эфира – наверное, подпела ему, подхватила безумные выдумки и подбила на этот дикий перформанс, дурацкую и далеко зашедшую шутку. Зачем? И как она попала ночью в НИИ, куда никакой Ильинский, при всем своем статусе и возможностях, нипочем не провел бы ее мимо охраны? Обдумывать ответы на такие вопросы было трудно, и Женя почти успокоил себя версией про глупейшую шуточную затею, как вдруг прозвучал

девичий голосок, чистый, холодный и звонкий, как ручеек талой воды:

– Он не верит.

Гуревич дернулся и почти подпрыгнул. Ножки стула оторвались от пола и снова опустились со стуком.

– Понимаю, – серьезно отозвался Савва.

– Нет-нет, я верю, – запоздало испугался Женя, и в тот же миг Яна исчезла.

Мигнули лампы дневного света. Яна возникла в кресле рядом с телефонной тумбочкой, беззаботно покачивая ногой, вольготно закинутой на подлокотник. Потом в воздухе мигнула мгновенная рябь, Гуревич вздрогнул, обернулся и прикусил губу: теперь элохим стояла рядом, совсем близко, и смотрела на него сверху вниз пронзительным морозно-голубым взглядом, до ужаса напоминая почему-то утопленницу из повестей Гоголя. Ни ощущения близости человеческого тела, ни запаха, ни тепла – только чуть заметное напряжение в воздухе, от которого пробегают мурашки по коже и поднимаются волоски на руках. Гуревич отшатнулся невольно, насколько позволили онемевшие от долгой неподвижности мышцы и страх, и в тот же миг на него обрушилась абсолютная, непроницаемая чернота, темнее самой темной из всех ночей и самой безнадежной слепоты.

Он едва сдержался, чтобы не заорать – да и наверняка заорал бы, как зверь, угодивший в смертельную западню, если бы за миг до того, как панический вой уже готов был вырваться у него из глотки, не стало снова светло. Яна как ни в чем не бывало сидела на прежнем месте.

– Блокировка световых волн, – объяснил Савва. – А еще можно создавать зримые образы...

Сквозь закрытые двери в кабинет, грузно ступая, вошел Исаев и, шумно вздохнув, остановился, печально глядя на Гуревича. Он был похож на усталого циркового слона, и от него пахло табаком, одеколоном и потом. За руку Исаев держал маленького племянника Гуревича Вениамина. Тот крутанулся, вырвался из мясистой красной ладони особиста, подбежал к дяде и пнул его по лодыжке. Было больно.

– Дядя Женя, чего такой грустный? – весело прокартавил Вениамин.

– Достаточно, – попросил Гуревич.

Всё исчезло; осталась только саднящая боль в лодыжке, по которой ударил... знать бы еще, кто. Женя нагнулся и, сморщившись, потер ушибленную ногу.

– Ничего там нет, ни ссадин, ни синяков, – успокоил Савва. – Просто мозг воспринял зрительный образ как действительный и воспроизвел привычные или кажущиеся очевидными сопутствующие ощущения.

– Ладно, – согласился Гуревич.

Он выпрямился и заставил себя посмотреть на Яну.

– Извините меня за вопрос, пожалуйста, но чем мы обязаны, если можно так выразиться, визиту?

Она промолчала и покосилась на Савву.

– А вот это, дружище, самое главное, – серьезно отозвался он, и Гуревич снова так же, как при первом взгляде на Яну сразу понял, кто она, сейчас тоже не догадался – почувствовал, о чем пойдет речь, и это понравилось ему еще меньше, чем фокусы со светом и мнимым племянником.

– Они очень давно наблюдают за нами, – продолжал Савва, – едва ли не с первых веков существования человека как вида и, можно сказать, берегут. Я когда-то говорил тебе, что такой образ мысли и действий должен быть характерен для любого высокоразвитого сознания, и, как видишь, был прав. Так взрослые, осознавая свою ответственность, которую накладывают зрелость и опыт, присматривают за детьми, оберегая как от внешних опасностей, так и от вреда, который ребенок по неразумию может нанести сам себе. Вот и элохим внимательно стерегут Землю, как колыбель человечества: корректируют движение космических тел и опасных метеоритов, работают с макрокосмическим гравитационным взаимодействием, сохраняя баланс движения на орбите, блокируют всплески гамма-излучения, регулируют солнечную активность, удерживают в разумных рамках активность вулканов, контролируют климатические изменения – до тех пор, пока мы не выберемся из своей люльки и не научимся если не ходить самостоятельно, то хотя бы отдавать себе отчет в своих действиях, а с этим, как известно, дела у нас пока обстоят не лучшим образом. Так что приходится иногда вытаскивать из этой самой люльки опасные предметы и следить, чтобы детишки не покалечили сами себя. Яна как раз одна из «меген», дозорных хранителей, специализирующихся на общественных отношениях. Помнишь, я рассказывал тебе, что существует практически неисчислимо множество возможных шахматных партий, причем все они являются комбинацией шестидесяти четырех фигур? Для нас провести исчерпывающий анализ или составить прогноз на таком числовом массиве совершенно невозможно, и я не могу представить себе, когда будет возможно в принципе. Но у элохим есть алгоритмы и средства, позволяющие анализировать ход развития человеческой истории в целом так же, как мы с тобой анализируем шахматную партию и оцениваем варианты ее исхода, только куда более точно, на основе бесчисленных вероятностных моделей, учитывая при этом миллиарды миллиардов людских решений, слов и поступков, влияющих на ежедневное и ежечасное изменение ситуации на мировой игровой доске, устанавливая самые неочевидные взаимосвязи и создавая практически безошибочные предсказания. Понимаешь, о чем я?

– УБВ?

– Да, – кивнул Савва. – Нам следует отказаться от проекта.

– Ну что ж, – согласился Гуревич. – Надо так надо. Я не против.

Ильинский удивленно воззрился на друга. Гуревич сидел, стараясь не ерзать и придать себе самый искренний вид.

Все разом встало на свои места, и теперь нужно было только убраться отсюда подобра-поздорову, и как можно скорее. Можно и дальше позволять рассудку прятаться за версиями галлюцинаций, сумасшествия и тому подобного, но следует взглянуть правде в глаза.

Его гениальный друг и правда докопался, видимо, до чего-то настолько серьезного, что потревожил их, этих волновых обитателей десятимерной реальности, и потревожил так основательно, что они откомандировали к нему своего эмиссара в облике рыжеволосой юницы. Бесполезно гадать, чем именно вызвано их беспокойство, но можно предположить, что разрушительный для всех видов электромагнитного излучения импульс УБВ станет губительным для мнимого облика и может фатально повлиять на способности так называемых элохим гасить свет, создавать до дрожи правдоподобных фантомов и упражняться в прочих кунштюках, очевидно необходимых для того, чтобы сжить со свету или поработить человечество. Да, так и есть! Бедняга Савва! Как он верил в благожелательных братьев по разуму, прекрасных, сияющих и возвышенных, которые сойдут с трапа серебристого звездолета, чтобы протянуть человечеству руку, затянутую в крагу пилота! Как они тонко сыграли на этом – и не только на одной лишь наивной убежденности в общих для всей Вселенной гуманистических идеалах, но и на сомнениях, которые, черт побери, сам же Гуревич и вложил Савве в голову и которые как раз сейчас чеканным серебряным голоском озвучивала эта Яна:

– Анализ сферы вероятности показал, что в случае успешного завершения вашего проекта ядерная катастрофа планетарного масштаба неизбежна. Это стало ясно два дня назад, когда Савва раскрыл исходный код УБВ и приступил к финальным расчетам для консолидации квантовых колебаний с радиоволнами. Если допустить, чтобы эта технология поступила на вооружение, то с равной степенью допустимости будут реализованы два сценария, одинаково губительных для человечества. В обоих случаях ваше правительство примет решение о нанесении превентивного ядерного удара по считающимся враждебными странам. Для предупреждения ответных действий он будет максимально массивным и затронет не только военные объекты, но и инфраструктуру на территории Северной Америки, Западной и Северной Европы и некоторых стран Азии

и Африки. Само по себе это уже приведет к крайне негативным глобальным климатическим изменениям. Во втором сценарии подвергшимся нападению странам удастся осуществить ответный ограниченный запуск нескольких ракет с ядерными боеголовками, которые поразят от пяти до семи атомных электростанций на площади от европейской части СССР до Сибири. Кроме многих миллионов человеческих жертв и терминального загрязнения воздуха и Мирового океана, этот обмен ударами приведет к полному краху всей существующей макроэкономической системы. Ресурсов Советского Союза, особенно в ситуации стремительно ухудшающихся природных условий, не хватит, чтобы стабилизировать обстановку. Общество будет очень быстро отброшено к социальной формации, близкой раннему феодализму, с резкой, крайне дисбалансированной классовой сегрегацией и повсеместной борьбой за доступ к необходимым для выживания ресурсам, запасы которых начнут иссякать с фатальной быстротой. Сложившиеся социальные отношения не позволят эффективно противостоять внешним угрозам. Моральное состояние общества, в котором каждый будет обеспокоен ежедневной борьбой за жизнь, деградирует до крайней степени. Итогом совокупного воздействия всех этих факторов явится фактический закат человечества и его конец как цивилизационной единицы.

Она замолчала. Слова повисли в воздухе незримыми строками бесстрастного приговора. Гуревич выслушал, покивал и снова сказал:

– Так я и не спорю. Согласен по всем пунктам. Можно идти?

Он поднялся. Неловко отставленная нога затряслась крупной дрожью. Савва молча подошел к другу, протянул руку и крепко, с чувством стиснул его ладонь:

– Женька, спасибо тебе! Спасибо! Я знаю, как много для тебя значила наша работа, но...

На глазах его вдруг блеснули слезы.

– Вот видишь! – он торжествующе обернулся к Яне. – Вот! А я говорил! Знаешь, Яна была против, чтобы я тебя приглашал сегодня и рассказывал обо всем, считала, что ты не поймешь, а я ответил, что не могу принять такое решение без тебя. Ты же мой друг, Женька, мой единственный друг!

Гуревич почувствовал, что сейчас тоже расплечется – от страха, бессилия и от жалости к Савве.

Они обнялись.

– Ну, так я пошел? – спросил он, когда Ильинский разомкнул наконец объятия.

– Да! Да, конечно! Я завтра объявлю, что решение оказалось

недостижимо, что я не справился – не беспокойся, полностью возьму всё на себя! Спасибо тебе еще раз, друг мой!

Гуревич осторожно высвободил стиснутую Ильинским руку и тихо пошел к двери. Только бы уйти. Только бы это существо не прочитало его мыслей, не почувствовало смятения и ужаса, которое он сейчас испытывал, иначе – и сомнений в том не было – оно прихлопнет его на месте так же легко, как до этого погрузило все вокруг в кромешную тьму. Он взялся за ручку.

– Женька, спасибо еще раз! – прозвучало вслед. – Прости, что так вышло!

Гуревич вышел за дверь и перевел дух. Его не преследовали.

* * *

Всё должно было быть очень просто. Понятно, что в итоге пошло наперекосяк, но изначальный план совершенно не предполагал особых трудностей и резких движений.

Яна исчезла, пообещав скоро вернуться; Гуревич просто ушел в ночь, ничего не обещая. Савва остался один и принялся за дело.

Он собрал несколько десятков черновиков с результатами вдохновенной работы последних двух дней, уселся за стол, вооружился логарифмической линейкой и методично принялся рвать листы на длинные тонкие полосы, улыбаясь блаженно и мирно, как поигрывающий ржавым ножом без пяти минут скопец, решившийся усечь свое естество ради Небесного Царства. Бумага рвалась с тихим треском, и гармония элегантных уравнений распадалась на бессмысленные отрывки. За черновиками последовали несколько страниц с чистовыми расчетами, потом перфокарты с уже набитыми параметрами для программ. Савва с удовлетворением осмотрел дело рук своих: величайший научный прорыв в истории человечества, плоды бессонных ночей и необычайного напряжения мысли, неповторимое и гениальное решение, связывающее классические физические модели с квантовой теорией, превратились в ворох бумажного мусора. Савва тщательно утрамбовал его, рассовал обрывки в карманы брюк и пиджака, вышел из кабинета и направился через пустой коридор в туалет.

Для того чтобы уничтожить рукопись, вовсе не обязательно устраивать драматическое аутодафе, швыряя пачки листов в камин, где безжалостный пламень начнет пожирать злосчастные плоды вдохновения, отбрасывая

живописные отсветы на изможденный лик автора. В части эффектности жеста унитаза и канализация серьезно проигрывают огню, но в эффективности не уступают, а то и превосходят по многим параметрам: ни пожарной опасности, ни вони на весь институт, ни следов в виде пепла. Вода постепенно растворит бумагу, а еще раньше бесследно уничтожит чернила, так что, вздумай кто-то пробраться в канализационный коллектор и попытаться среди вполне естественных для такого места зловонных неоднородностей отыскать на решетках фильтров то, что некогда было ответом на величайшие загадки Вселенной, обнаружит этот отважный ныряльщик только бесформенные комки целлюлозы с поблекшими пятнами растворенных чернил.

На то, чтобы отправить обрывки в последний путь, ушло минут двадцать. Сливные бачки сипели от непривычно длительной серии упражнений, вода с ревом уносилась в фановые трубы. Наконец все было кончено. Савва вернулся обратно, с опаской бросив взгляд в начало длинного коридора, но хранитель государственных тайн невозмутимо сидел за столом на посту, разгадывая кроссворд в «Огоньке».

Он вошел в кабинет и запер дверь. Теперь оставалось только дожидаться утра. Тогда он сразу пойдет к начальнику института, сообщит, что сложность необходимых расчетов непреодолима, что он допустил несколько изначальных ошибок в теоретическом обосновании и проект УБВ невозможно реализовать практически. Больше всего в этой ситуации Савва переживал за Гуревича: он хорошо знал, сколько надежд было у его друга связано с их общей работой, сколько важных карьерных планов, и вот теперь все рухнуло в один миг – но это все-таки лучше, чем рухнувшие от атомного огня небеса, оседающие на землю стылой радиоактивной моросью. О себе Савва не думал вовсе. Странно было бы переживать о работе, месте в НИИ, вообще о своей дальнейшей судьбе человека, из-за которого товарищ Маршал Советского Союза не дождет помощи танков: принятое им решение не просто спасло миллиарды человеческих жизней, но позволило продолжиться самой истории людского рода, мало этого – с ним вступила в контакт древнейшая цивилизация Вселенной, и для него теперь, стоит лишь пожелать, будут открыты все тайны мироздания, а это жребий, который из всех живших когда-то ученых выпадал разве что Фаусту, да и то по неразумно высокой цене.

Он как раз подготавливал новое обоснование ошибочности первоначальных гипотез, когда в дверь осторожно постучали. Стрелки часов показывали половину пятого утра. Савва приоткрыл дверь – и Яна мигом скользнула внутрь, чуть толкнув его в грудь тоненьким, твердым и

совершенно телесным плечом.

Савва задумчиво потер грудь.

– Да, я в физическом теле, и на то есть причины. Все изменилось, нам нужно уходить. И немедленно.

Анализ, проведенный после обновления сферы вероятности с учетом принятых Саввой решений, показал, что заявить о теоретической ошибке и просто отказаться от дальнейшей работы будет теперь недостаточно – никто не поверит. У Министерства обороны и Комитета государственной безопасности найдется множество эффективных способов мотивировать Савву к продолжению исследований, тем более что в решительности намерений силовых ведомств и эффективности их средств убеждения не приходилось сомневаться: слишком многое зависело от реализации УБВ и слишком серьезные решения на самом высоком уровне были приняты в ожидании получения несомненного военного преимущества, чтобы вот так просто удовлетвориться простым объяснением «Простите, не смог». Оставалось одно – бежать; во всяком случае, иных вариантов элохим Яна не предложила, а Ильинский не стал спорить.

Для начала нужно было просто пересечь ближайшую государственную границу, а потом уехать куда-нибудь, как можно дальше от арены схватки геополитических исполинов: хоть в Лаос, хоть в Бирму или Таиланд, да хоть на берега Папуа – Новой Гвинеи или на остров Пасхи.

– А мама? – спросил Савва.

Яна заверила, что и маму они непременно заберут к себе, но только попозже, когда ситуация успокоится, ибо в нынешнем положении, при всех ее возможностях, пересечь границу будет непросто, а уж с мамой вместе и вовсе невыносимо.

– Я должен ей позвонить.

– Хорошо, но, пожалуйста, побыстрее. И без подробностей.

Этот звонок потом зафиксировала контрразведка: 8 августа, в 4.35 утра, продолжительностью чуть больше минуты – Леокадия Адольфовна была не из тех, кто легко поддается панике и задает множество ненужных вопросов. К тому же Савва обещал ей снова дать о себе знать в самое ближайшее время.

Он последним взглядом окинул их с Гуревичем рабочий кабинет, где прошло столько трудных и вдохновенных часов, где было столько прожито, пережито и сказано. Широкий стол был непривычно пуст, словно квартира, из которой переезжающие жильцы уже вывезли всю мебель, тюки и коробки с нажитым за долгие годы скарбом, и непривычное эхо отражается от растерянно оголившись стен. Превращенные в бумажный сор

черновики, наброски, заметки, расчеты, летописные своды поражений и побед последних недель, ныне дрейфовали где-то в канализационных трубах, на половине пути к водам Смоленки. Стулья были аккуратно задвинуты, на столе остались только карандаши, калькулятор, линейка и скомканная промасленная обертка из-под Галиных пирожков с домашним повидлом. Грустно ли было Савве? Сжалось ли сердце в минуту окончательного расставания с тем, что в последние годы составляло суть его жизни, отныне меняющуюся навсегда?

Не знаю. Но думаю почему-то, что нет. Ведь он знал и сейчас, как почти с самого детства, что все в мире идет так, как нужно.

Савва выключил свет, закрыл дверь, и они пошли по коридору к посту охраны. Молодой светловолосый сотрудник поднял голову от кроссворда и задумчиво посмотрел куда-то в область верхней пуговицы на рубашке у Саввы. Он сбился с шага, остановившись в неуверенности, но Яна тихонько подтолкнула его и сказала:

– Просто иди.

И он просто прошел – мимо охранника на этаже, мимо дежурного офицера, с пистолетом в поясной кобуре неспешно шагавшего по коридору первого этажа, мимо двух бойцов, мужественно боровшихся со сном на проходной, и двух неуязвимых для всякой сонливости сотрудников госбезопасности в «Волге» рядом со входом в НИИ. Потом Яна молча взяла его за руку своей вполне осязаемой, маленькой теплой рукой, и они направились через скрытый в зарослях горбатый мостик в сторону кладбища.

Деревья замерли неподвижно в безветренном рассветном безмолвии, ни один лист не трепетал, не вздрагивали колоски высокой травы на старых могилах – только дым, тишина и чуть слышный хруст шагов по гравию глухих троп.

Савва почему-то не удивился, когда она подвела его к тому самому старому склепу, рядом с которым он провел столько часов в одиночестве и раздумьях. Два ангела смотрели вверх, обратив к дымному небу слепые серые лица. Яна остановилась у ступеней, уходящих в могильную глубину, и повернулась к Савве. Она была ниже его на полголовы и пахла, как холодное море. Он заметил, что на левой руке у нее надет широкий браслет из толстой ткани или из мягкой кожи, со множеством мелких кармашков, в которых тускло поблескивали металлом крошечные тонкие диски и иглы. Яна вынула из одного кармашка круглый значок медного цвета и осторожно прицепила к его рубашке. Потом пальчиком смахнула один из тоненьких дисков, и он с едва слышным звоном растаял в предрассветной

мгле. Она снова взяла Савву за руку и сказала:

– Пойдем.

Они шагнули под свод sklepa, в стоялую духоту сырости и запахов тления. Яна повела его вниз по ступеням, шаг, другой, и когда он уже ожидал, что нога его сейчас погрузится в холодную и черную, как смола, воду, то вокруг мгновенно сгустилась непроницаемая тьма, а подошва уперлась в неровный земляной пол. Савва сделал еще несколько неуверенных шагов во мраке, чувствуя над головой низкий холодный свод подземелья, а потом где-то впереди загремел засов, и они вышли из двери подвала в узком дворе-колодце где-то среди лабиринтов проходов и арок между улицами Герцена^[7] и Гоголя^[8]. До квартала Кракенгагена было всего четверть часа пути пешком.

В квартире НИИ робототехники, о которой, как известно, в этом самом НИИ не ведали ни слухом ни духом, они провели десять дней. Савва пребывал в состоянии удивительного для сложившейся ситуации спокойствия, как человек, принявший решение и убежденный, что все делает правильно. Яна отлучалась по временам: за продуктами, один раз – за сменой одежды; дважды к ним навещался небольшого роста человечек, похожий на попугая, забавный и, как показалось Савве, немного испуганный. Кажется, в планах Яны что-то опять пошло не так гладко, как предполагалось сначала, но Савва не тревожился, полностью полагаясь на свою невероятную спутницу – а что было ему еще делать? Привычка к интеллектуальной работе не давала ему скучать, он делал заметки в блокноте, читал, и даже с мамой элохим – правда, нехотя и после его настойчивых просьб – наладила связь при помощи телевизора, так что ежедневно после полуночи они общались с ней запросто, как будто разговаривать через экран и видеть друг друга было самым обыкновенным делом.

О том, что при этом пришлось передумать и пережить Леокадии Адольфовне, можно только гадать.

Савва по-прежнему сохранял свою веру в гармонию мира, сотканную из взаимосвязанных в единое элегантное уравнение событий, так что ненарушимое спокойствие его не дрогнуло и тогда, когда дверь в квартиру вдруг сотряслась от мощных ударов, а потом и вовсе рухнула, вырванная из петель. Может быть, он просто не успел испугаться, да и не понял толком, что происходит: полыхнуло зеленым, вокруг словно образовался пузырь звенящей, вибрирующей пустоты, а затем они с Яной вдруг оказались в каком-то странном, пыльном и тихом месте, похожем на комнату в заброшенном доме, в которую десятилетиями никто не входил. По

ощущениям Саввы, пробыли они там едва ли десять минут, но когда вышли на незнакомом ему широком проспекте где-то на Охте, то вокруг грохотал и шумел жаркий городской день, пропитанный дымом и выхлопными газами, сновали машины и пешеходы, и Яна сказала, что знает, куда и к кому им нужно идти.

Глава 7

Нулевая гипотеза

Я посмотрел на Ильинского. Он и сейчас был неестественно спокойным и каким-то удовлетворенным: взгляд устремлен вдаль, на губах временами появляется немного смущенная и извиняющаяся улыбка, сидит, зажав коленями ладони, поверх покрывала на краешке моей тахты и время от времени утвердительно покачивает головой в разных моментах рассказа или добавляет что-то тихим, но твердым голосом. На светлой рубашке болтается увесистый круглый значок со стилизованным изображением факела и надписью «Дружба-84». Пока разговор шел преимущественно о нем, он еще вступал в разговор, уточнял что-то, жестикулировал, хоть сдержанно и неловко, а ближе к концу повествования просто внимательно слушал и только кивал, будто соглашаясь со всем, что она говорила.

С другой стороны, я тоже сейчас выглядел со стороны совершенно невозмутимым: сидел себе с задумчивой физиономией на стуле у письменного стола и качал головой, как игрушечная собачка на приборной доске автомобиля, как если бы разговаривал с другом, рассказывающим походные байки, а не слушал историю, которая чем дальше, тем больше превращалась в нечто настолько невообразимое, что единственным способом сохранить рассудок было просто воспринимать ее содержание, не пытаясь как-то осознать и уложить в голове услышанное.

А что еще мне было делать? Хвататься за голову? Воздевать вверх руки с воплем «Не верю!»? Бегать, вцепившись в волосы, по своей тесной комнате от окна к двери? В ситуациях невыносимых и невероятных человек рефлекторно избирает самый тривиальный для себя образ действий, каким бы он ни был странным или неуместным в сложившихся обстоятельствах; так гипотетический дикарь, впервые увидевший автомобиль, просто метнет в него дротик без рассуждений и попыток понять, что за чудовищное видение вынырнуло перед ним на просеке среди джунглей, ибо он охотник и будет вести себя так, как привык. Я же привык выслушивать показания и находить в них несостыковки и бреши, благо в том, что рассказывала она – я все еще не мог внутренне решиться называть ее ни Яной, ни тем более элохим, – таковых было в достатке.

Она сидела рядышком с Саввой: светло-рыжие кудряшки, едва заметные ресницы и брови, очень белая кожа, большой красный рот,

веснушки на круглом курносом носике, голубые глаза – выросшая девочка-сорванец, которая с первого взгляда кажется такой привлекательной, что перехватывает дыхание и делается неловко и немножечко стыдно, а присмотришься – страшенькая, в общем-то, барышня. Только взгляд у нее был очень твердый, спокойный и сильный, какой-то древний, словно смотришь на звезды в полночном небе, а они отвечают тебе, глядя в упор.

За окном застыл жаркий вечер. Раскалившееся за день дымное небо белесо светилось, сумерки лишь чуть тронули ленивый застоявшийся воздух, но в некоторых окнах дома напротив уже зажгли свет: люди коротали время за чтением, вечерним чаем или перед телевизором, зная не зная ни про квантовые частицы, ни про УБВ, ни про облекшуюся в живую плоть электромагнитную волну у меня в комнате.

Счастливицы.

Из родительской комнаты донеслись звуки мелодии «Время, вперед!»^[9]. Даже через закрытые двери и стены чувствовалось напряженное молчание, в котором сейчас папа и мама молча сидят у экрана.

– Савва Гаврилович, – сказал я, – не хотите ненадолго составить компанию моим родителям? Они будут не против. Отдохнете немного, телевизор посмотрите.

Он покосился на Яну. Та чуть шевельнула худенькими плечами и едва заметно кивнула.

– Да, хорошо, – ответил Ильинский.

Встал, помялся немного и вышел, аккуратно притворив дверь.

Мы остались вдвоем.

Она чуть склонила голову набок и уставилась на меня с любопытством. Я молчал, постукивал карандашом по столу и старательно не отводил взгляд. На тумбочке отчетливо тикал будильник. Хлопнула внизу дверь парадной. Яна поерзала, потом скинула гостевые желтые тапочки и уселась на тахте, подогнув под себя ноги. У нее были маленькие стопы, детские пальчики с коротко подстриженными ноготками и нежно-розовые пятки без всяких огрубелостей и мозолей. Совсем новые пяточки. Мне вспомнился атлетический труп «американца» в морге судебно-медицинской лаборатории и слова Левина: «Как будто и не жил никогда». Эти девичьи пятки убеждали в правдивости рассказанной истории больше, чем любые сногшибательные трюки с фантомами и гаснущим светом.

За стенкой два хорошо поставленных голоса обеспокоенно рассказывали о росте международной напряженности. Яна вздохнула, посмотрела в окно, потом снова перевела взгляд на меня. Голубые глаза

замерцали, как холодные звезды. Я выдержал и ответил тем годами отработанным взглядом, каким обычно смотрят на гражданина с увлекательной биографией, которого взяли ночью с пистолетом и чужим кошельком и который клянется, что нашел это все в кустах пять минут назад и как раз шел в отделение милиции, чтобы с чистой совестью сдать находки.

– Не понравилась история? – наконец спросила она.

– Понравилась. Как декорация к детскому спектаклю – если очень захотеть, то можно во все поверить.

Она вздернула белесые брови:

– Вот как? Я могу доказать, – и потянулась пальчиком к широкому браслету на левой руке.

– Стоп, стоп! – я предостерегающе поднял руку. – Фокусов и чертовщины мне и так хватило этой ночью, спасибо!

Она хихикнула, потом посерьезнела и кивнула:

– Да, я в курсе. Ты знаешь, кого умудрился загнать на крыше?

– Нет, но об этом потом.

– А о чем сейчас?

– Кое-что не вяжется в этом увлекательном рассказе.

– Например?

– Если то, что изобрел Ильинский, может иметь настолько катастрофические последствия, не проще ли было его просто убить?

Она замотала головой, так что кудряшки выбились из-под заколки и растрепались, и широко распахнула глаза, испуганно и, как мне показалось, искренне.

– Нет, это совершенно исключено! Убивать людей нам запрещается категорически, это закон. Нельзя прерывать испытания, к тому же последствия для сферы вероятностей могут быть совершенно непредсказуемыми. Да и наказание для нас за это предусмотрено такое, что... – она передернула плечами. – Нет, это абсолютно невозможно.

Я отметил для себя существование законодательной и исполнительной власти даже на субквантовом уровне, вспомнил, что во время безумного фестиваля из погонь и мнимой ураганной стрельбы этой ночью никто не погиб, и удовлетворенно кивнул:

– Допустим. Но можно же было просто немного повредить его в рассудке? С памятью что-то сделать, например?

Яна снова отрицательно качнула головой:

– Слишком сильное вмешательство в судьбу, оно не поощряется. И это не наш метод. Шеды могут так поступить иногда, но не элохимы.

– Шеды?

– Те, с кем ты столкнулся сегодня ночью. Штеллай и Боб. Кстати, могу сказать, что они чрезвычайно раздражены сейчас, и это раздражение вызвал у них ты. Я бы на твоём месте побеспокоилась.

– О моих проблемах мы поговорим позже. Верно ли я понимаю, что убийство категорически неприемлемо и для этих шедов?

– Да. В том числе и для них. Они могут спровоцировать подобное действие в исполнении людей по отношению к другим людям, но сами убивать не имеют права.

– Тогда что случилось с Рубинчиком, Трусаном и Капитоновым?

– Они не были людьми.

– А кем же тогда?

– Яшен руах. Спящие духи. Скрытые элохимы.

Голова снова начала идти кругом, почти как тогда, когда Леночка Смерть сообщила, что не нашла в пустом доме на Нарвском следов ночной перестрелки. В подробности сейчас углубляться явно не следовало; я хотел только если не понять происходящее, то хотя бы нащупать подобие логики там, где она казалась мне явно нарушенной, пусть и с учетом фантастической системы координат.

– Ладно, это тоже пока пропустим. Вернемся к тебе и Савве. Мне по-прежнему многое непонятно. Убивать его нельзя, с ума сводить тоже. Как насчет гипноза? Или какого-то другого воздействия? Можно же было повлиять на него другим способом, без драматических появлений из телевизора и апокалиптических предсказаний?

Она вздохнула:

– Послушай, все не так просто. Воздействовать на свободную волю человека не получится чисто технически, этого никто не может, ни мы, ни шеды. Там установлена защита, которую нам не взломать. То есть я могу, например, сейчас выйти отсюда, – она хлопнула себя ладошкой по сарафану в том месте, где у девушек постарше или поплотнее обычно располагается грудь, – синхронизироваться с электрическими токами твоего мозга, перехватить управление и заставить тебя сделать практически что угодно, хоть бы и выйти в окно; но, во-первых, такое воздействие без ущерба для моего собственного сознания возможно на относительно короткое время, и, во-вторых, что бы я ни заставила тебя сделать, это все равно не будет твоим решением, а насильем, как если бы я тебя за шиворот потащила через подоконник. А в-третьих – это не наш метод и, опять-таки, наказуемо, если поймают. Вот так.

Я почувствовал себя так, как если бы взялся играть в незнакомую игру,

где с каждым ходом появляются новые правила, а соперник при этом еще и отчаянно мухлюет, но сдаваться не собирался:

– Все равно что-то не вяжется. Вы с Саввой спокойно прошли мимо сотрудников госбезопасности в институте, а потом перемещались по всему городу то, через подвалы, то через склепы. На мой взгляд, одного этого достаточно, чтобы не испытывать проблем с переходом границы: хоть невидимками, хоть через канализационный люк, да хоть на летающей тарелке его эвакуируйте, не вижу трудностей.

Яна посмотрела на меня с печальным сочувствием:

– Ты, наверное, считаешь, что я всемогущая?

– Точно нет, иначе ты не явилась бы сюда. Тебе же моя помощь требуется, верно я понимаю?

– Верно.

– А мне нужно хотя бы в общих чертах видеть картину происходящего. Я не Савва, которому ты, насколько я понимаю, многого не рассказала. Он, наверное, думает, что сегодня ночью к вам в квартиру ломались сотрудники госбезопасности?

Яна вдруг зарделась, чем немало меня удивила, и ответила:

– Да. Пока так для него лучше.

– А для меня нет.

Мы снова уставились друг на друга. Она молчала, я тоже. Во дворе женский голос протяжно прокричал из окна: «Коля, домой!» Я нарушил молчание первым:

– Жизнь и практика меня научили, что самая простая версия всегда верная. Но простых объяснений происходящему у меня не находится, а я достаточно увидел и услышал в последние дни, чтобы поверить тому, что вы оба мне тут рассказали. Но некоторые детали не сходятся на уровне простой логики, и мне это не нравится. Зачем понадобилось обращаться за помощью к Рубинчику, Трусану и Капитонову, кем бы они ни были? Что мешает тебе сейчас применять свои возможности в полной мере? За каким чертом потребовалось принимать физическую форму? Что нужно от меня? И еще: если то, что придумал Савва, настолько опасно для человечества, а ты можешь, насколько я понял, анализировать самые многообразные причинно-следственные связи и делать выводы о возможности наступления конкретных событий, как получилось, что ты сама подсказала нашему общему другу то решение, из-за которого теперь все мы тут собрались?

Она зашевелилась, вытянула вперед тоненькие бледные ножки, одернула сарафан и принялась задумчиво рассматривать свои голые стопы.

– Ну хорошо. Хочешь заглянуть за декорацию? Понимаю. Но на

подробные объяснения потребуются очень много времени, и я не уверена, что ты все сумеешь понять. Обещаю, что обязательно постараюсь сделать это, но позже.

– Мне достаточно будет простых ответов на вопросы, которые я задал.

– Не для всего я смогу подобрать слова.

– А ты попытайся.

Яна вздохнула:

– Я дозорный, ишим элохим меген, это один из трех рангов элохим, которые работают на Полигоне. Всего рангов девять, но шесть высших не могут здесь появиться ни в волновом, ни тем более в физическом облике: высвобожденный энергопотенциал будет таков, что приведет к разрушениям материальных структур. Моя истинная природа – нефизическая, Савва называет ее субквантовой, и, наверное, это самое точное определение в существующей у вас терминологии. В нормальном состоянии я могу свободно перемещаться вне условных конструкций пространства и времени, действовать в рамках допустимых возможностей с учетом ограничений Контур и его десяти измерений вместо привычных мне двадцати шести. Для работы с людьми в трех измерениях Полигона обычно применяется волновая электромагнитная форма просто потому, что на нашем уровне бытия может быть реализовано эффективное воздействие, но не взаимодействие. Такое условие серьезно уменьшает личные возможности каждого из элохим, но для решения наших оперативных задач в рамках Эксперимента их сохраняется более, чем достаточно. Физические тела мы используем редко, только в тех случаях, когда по каким-то причинам нужна значительная объективная достоверность или, как сейчас, если необходимо скрыть свою настоящую субстанциональную личность и местоположение. Дело в том, что человеческий корпус, пусть искусственный, полностью экранирует наши возможности и скрывает сущность. Это, кстати, дело малоприятное, несмотря на то, что тела новенькие, не ношенные и отлично развитые, но все равно ощущение такое, как если бы тебя, например, засунули в улитку или в черепаху.

– Спасибо.

– Не на что обижаться, я говорю, как есть. У нас сохраняется связь с аналитическим центром, возможность выходить из тела и возвращаться обратно при условии его сохранности или вовсе покинуть при необходимости. Но для того, чтобы в физической форме применять специальные возможности, требуются материальные носители. Законы Полигона, ничего не поделаешь. Это в виде волны я могу свободно создавать иллюзии, исчезать, опускать темноту, при необходимости

кратковременно влиять на сознание и все прочее в таком духе, а в теле для каждого такого действия необходим лхаш.

– Что?

– Лхаш, – она подняла левую руку и показала на поблескивающие в некоторых кармашках браслета диски и иглы. – Материальный носитель воздействия, своего рода программа, входящая в резонанс с волновым спектром токов человеческого мозга и производящая мгновенный или продолжительный эффект. Необязательно в таком виде: это могут быть монеты, соль, камешки, бусины на нитке – все, что можно быстро извлечь и использовать.

Я вспомнил, как стоявший на краю крыши «американец» подбросил вверх свой массивный хронометр, взорвавшийся стальными брызгами, и спросил:

– А в виде наручных часов?

Яна кивнула:

– Запросто. У шедов такие есть, там воздействия активируются поворотом подвижного ободка циферблата. Стильная вещь, – добавила она с неожиданной завистью. – Собственно, догнать Боба на крыше тебе удалось только потому, что у него кончился лхаш – они все израсходовали, пока уходили от погони. Видимо, несколько дней не пополняли запаса и недооценили вашей человеческой... скажем так, цепкости.

– Шеды – это другая цивилизация? Не такие, как вы?

Яна вдруг засмеялась, весело и звонко, как девушка на первом свидании смеется шуткам понравившегося ей кавалера.

– Нет, что ты! Никаких других не существует. Они тоже элохим, только в ситуации Эксперимента мы, скажем так, оппоненты. У них другие задачи и полномочия, а возможности, честно говоря, значительно шире. Да и в выборе методов шеды менее разборчивы. Особенно те, с которыми мы сейчас имеем дело: тот, что в мужском облике, тоже ишим, как и я, – Ишим Боб Шед Махрив, последнее слово означает приблизительно «разрушитель»; а вот женщина рангом выше, она Керув Иф-Штеллай Шеда Мадиах, испытатель, очень опытный профессионал, в Контуре с самого начала.

– Красивая, – заметил я.

– Да, шеды любят наряжаться, – небрежно махнула рукой Яна. – Сейчас они будут менять оболочки, эти-то две уже скомпрометированы – благодаря тебе, между прочим! Уверена, она снова нацепит что-нибудь броское и наверняка опять станет гулять в женском образе. Такой уж характер.

– А почему ты выбрала этот облик?

Она неожиданно насупилась и резко ответила:

– Взяла, что было из готового. Торопилась.

– Вот как? То есть, окажись под рукой тело мужика лет пятидесяти с бородой и седой шерстью на пивном животе, надела бы его?

– Пришлось бы.

– И как удачно совпало, что в наличии оказался ровно тот облик, в котором ты впервые явилась перед Саввой, да?

Яна мрачно зыркнула исподлобья:

– Я знала, какое тело придется взять, ясно? Слышал что-нибудь про ретропричинность? У меня другое восприятие времени и последовательности событий, не забывай.

– А почему не стала менять тело, хотя твоими портретами весь город увешан? Тоже из-за другого восприятия времени?

– Савва привык к этой внешности. Не хотела добавлять сложностей.

Я не стал развивать эту тему, но сделал мысленно заметку на будущее. Миллиардов лет технологической эволюции в моем активе не было, но годы работы в угрозыске научили чують вранье за несколько световых лет.

– Ладно, пусть. Так как вышло, что ты подсказала ему решение задачи УБВ?

Она снова порозовела:

– Это моя ошибка. Он не должен был ее решить вовсе, потому и в сфере вероятностей никаких аномальных отклонений, связанных с его работой, не было. Я понятия не имела, над чем именно он там трудится, когда начала с ним общаться в «эфире». Мне просто было интересно, понимаешь?

– Нет.

– Ну и дурак.

Яна состроила капризную гримаску:

– Думаешь, нам не бывает скучно?

– Понятия не имею.

– Бывает, и еще как. Да, мы не люди, но скука – то, что объединяет все виды высокоорганизованного сознания. Может напрочь отсутствовать способность к любви, чувство юмора, склонность к искусствам, даже любознательность, но стоит только разуму достичь определенных пределов в развитии, как он тут же принимается скучать. Вот и мы отнюдь не исключение. Нужно же чем-то наполнять свой досуг. Мне было забавно поговорить с ним в эфире, потом я бегло посмотрела его профиль в сфере: ну да, математик, гений, судьба интересная, и что с того? Стали общаться.

Я и представить себе не могла, что ему одной подсказки – да что там, намека! – будет достаточно для решения. А когда потом при анализе стали обозначаться катастрофические сценарии, причем со все возрастающей определенностью, было поздно. Хуже всего, что и шеды это тоже заметили, а у нас с ними несколько отличаются взгляды на то, какой должна быть судьба человечества. Штеллай и Боб подключились к ситуации и принялись блокировать попытки изменений. Я еле успела переодеться в тело, чтобы они нас не отследили, и увести Савву в убежище. Применение лхаш в НИИ и проход через Лимб на кладбище они зафиксировали, но потом потеряли след, зато ваша госбезопасность активизировалась. В итоге я оказалась в дурацком положении: использовать специальные средства не могу, чтобы не обнаружить себя перед шедами, а в физическом теле невозможно бежать и скрываться, потому что КГБ перекрыл все ходы и нас не ищет только слепой и увечный – да и то не факт, учитывая, что Штеллай тоже задействовала свои технические средства поиска, а они у нее не в пример человеческим. Не знаю, сколько сейчас у нее в распоряжении следящих программ, но подключить и отслеживать зрительную информацию от десяти-двенадцати тысяч человек она точно может. Я серьезно рисковала, постоянно выбираясь в город то за едой, то за вещами, а главное – за помощью, но тут шеды меня обошли: двух яшен руах они устранили превентивно, наверное, вычислили через сферу вероятности или агентурно – я не успела их активировать. Мне удалось вступить в контакт с Рубинчиком, он начал что-то предпринимать по своим каналам, но потом Штеллай с Бобом дотянулись и до него.

– Интересно, как они узнали про Борю?

– Да очень просто, – раздраженно отозвалась Яна. – Люди помогли, как обычно. Шеды слушали телефоны милиции и госбезопасности, а какая-то старая карга заметила меня на лестнице у квартиры Рубинчика и сообщила, как принято у вас выражаться, куда следует. Ведьма.

И Яна добавила еще пару совсем непонятных слов, в эмоциональном значении которых тем не менее сомневаться не приходилось. Я представил себе Ядвигу Ильиничну, мирно выгуливающую Пополя в саду Дзержинского или сидящую с книжкой ночью в кабинете покойного мужа, и поспешил вернуться к обсуждению мертвых, дабы не подвергать риску живых – что бы там элохим Яна ни говорила о методах и законах.

– Борю, по-видимому, пытали.

– Хотели узнать, где мы прячемся. Они сначала пытались следить за ним пару дней, но Боре удавалось как-то ускользать. Решили форсировать: напали врасплох, перехватили волевой контроль и заперли в теле – а не так

просто даже для элохим выдержать то, что с ним проделали, когда находишься в человеческом корпусе и не можешь отключить боль. Счастье еще, что ему удалось как-то выпрыгнуть из окна. – Она вздохнула: – Бедный Одэм.

– Одэм?

– Его настоящее имя. Ишим Одэм Элохим Мерагель.

«Ангелом он, конечно, не был...» – вспомнил я слова Кости Золотухина, сказанные над истерзанным телом Бори Рубинчика. Терминология небесспорная; теперь трудно было понять, кем на самом деле являлся злосчастный Борюсик, но зато стало ясно, что и миллиарды лет эволюционного развития не препятствуют увлечениям спекуляцией, фарцовкой, дорогим коньяком и девицами из бара гостиницы «Ленинград» – особенно если представитель высшего разума действует под прикрытием.

– В общем, положение и так сложилось непростое, – продолжала Яна. – А тут ты еще нарисовался.

– Мне кажется, что нарисовался я очень вовремя. Если мне не изменяет память, как раз в тот момент, когда Боб держал тебя буквально за горло.

– А кто ему в этом помог? Меня шеды так и не засекли, на Савве экранирующая защита, Одэм нас не выдал. Мы бы так и сидели там, пока я бы что-нибудь не придумала. Ладно, я тоже виновата: не нужно было разрешать Савве разговаривать с мамой при помощи, скажем так, нестандартного канала связи, но иначе он бы просто ушел домой пешком, вот и все. Он иногда бывает очень упрямым. Пришлось пойти на риски. Я знала, что точку приема шеды зафиксируют – квартира Ильинских – и выводы сделают. Но источник сигнала при импульсно-темпоральной связи можно обнаружить, только если находишься рядом, в радиусе нескольких сот метров. Да, рано или поздно нас бы засекли, но я надеялась продержаться еще неделю, максимум две, пока не найду выход из положения. Но тут некто капитан милиции Адамов проявил чудеса проницательности и напрямик привел шедов в нужное место.

– Вот как?

– Да, вот так. Это как шахматы, Савва не зря такие сравнения любит. Мы делаем ход, шеды – тоже, расстановка сил на доске меняется, и кто лучше ее проанализирует, тот и выиграет. Ты уже некоторое время назад появился в поле оценки сферы вероятностей: влез не в свое дело, ориентировки рассылал на Штеллай с Бобом. Я тоже тебя видела, но, каюсь, недооценила. А вот Штеллай такой ошибки не сделала. Они за

тобой присматривали, слушали телефоны, чтобы быть в курсе. Сопоставили факты, сделали выводы и к полуночи явились на канал Круштейна, чтобы запеленговать сигнал, когда Савва будет разговаривать с мамой. Почему допустили, чтобы вы там устроили им засаду, не знаю; наверное, получили нужную информацию и перестали обращать на тебя внимание – понятия не имею. Точно могу сказать, что, появившись вы чуть позже, когда они схватили бы Савву, то отпор был бы куда более жесткий и синяками пополам с легким испугом отделаться бы не получилось.

Не то чтобы меня все устраивало в ее объяснениях, но задавать вопросы дальше было бессмысленно. Люди, живущие в одном времени и в одном городе, да что там – в одной семье, не всегда могут понять причины поступков друг друга. Почему он или она сделали так, а не иначе? Что за глупость? Как такое можно было придумать? Я бы сделал иначе! Очевидно же, как правильно, а как нет! Что уж говорить про то, чтобы попытаться объяснить для себя действия не людей, а каких-то незримых выходцев из параллельной реальности, для которых двадцать шесть измерений – родной дом, а прошлое не всегда отличимо от будущего. Человек так устроен, что все хочет постичь с точки зрения собственных смыслов и логики, но надо уметь вовремя остановиться.

– Хорошо, – сказал я. – На сегодня хватит. От меня ты чего хочешь?

– Чтобы ты помог нам спрятаться. Хотя бы на несколько дней, а там я придумаю что-нибудь.

– Здесь? – спросил я и сам понял, как глупо это прозвучало.

Яна отрицательно качнула головой:

– Нет, конечно. Это должно быть такое место, которое очень трудно было бы связать с тобой, во всяком случае, не сразу: никаких друзей, сослуживцев, знакомых из ближнего круга и родственников. И тебе придется пойти с нами. Потому что завтра после того, как в четыре утра загрузится обновление Полигона и обновится сфера вероятностей, шеды узнают, что ты нам помог, и явятся напрямик сюда, а этот визит, уж поверь, никого не обрадует. Хотя, боюсь, теперь встречи с ними тебе не избежать в любом случае.

За окном дым смешался с серыми сумерками, и в комнате стало темнеть. Я зажег настольную лампу, и желтоватый свет привычно осветил давно знакомую обстановку: вот мой стол, за которым я готовился к экзаменам в Школу милиции, старая, многократно перетянутая, как лицо стареющей эстрадной дивы, тахта – ее я собирался заменить на раскладной диван перед свадьбой, да теперь уж, наверное, не соберусь. Над тахтой небольшой полинялый ковер с тремя мишками в сосновом лесу, тумбочка,

книжные полки со знакомыми корешками книг и двумя клееными модельками военных самолетов – следы давних попыток найти себе какое ни есть хобби. Все было привычно, спокойно и буднично настолько, что даже тоненькая рыжая девочка, устроившаяся сейчас поверх смятого пестрого покрывала, смотрелась тут совершенно естественно и по-домашнему, поместившись в тихом уютном сумраке вместе со всеми миллиардами лет, субквантовыми флюктуациями, шедами, элохимами, Контуром, Полигоном, Лимбом и неминуемой угрозой ядерной войны – все это будто показалось на время откуда-то из-под пыльных обложек с детства любимых фантастических книг, что виднелись за стеклами полок. Я не чувствовал ни страха, ни удивления, ни беспокойства, только какую-то оглушающую усталость, какая обычно бывает после очень длинного и насыщенного событиями дня. Наверное, разумнее всего было бы распрощаться как ни в чем не бывало с интересными, но засидевшимися гостями, а потом позвонить Жвалову или Кардиналу, а то и просто лечь спать. Но Яна не сводила с меня взгляда мерцающих звездных глаз, в соседней комнате по телевизору давно окончились новости и звучала мелодия прогноза погоды, и мне нужно было что-то решать.

Есть такой принцип в логических рассуждениях – нулевая гипотеза. То, что является верным, пока не доказано обратное, чем-то похоже на презумпцию невиновности. Она помогает полностью абстрагироваться от возможной трактовки множества смыслов, оценивать исключительно эмпирически подтвержденные факты и признается верной, пока критическая масса наблюдений не позволит ее опровергнуть. Сейчас моей нулевой гипотезой являлось то видение ситуации, которое изложила Яна и, что для меня значило куда больше, в чем был убежден Ильинский – умница, гений и человек. В рассказах и объяснениях Яны для меня по-прежнему зияли очевидные логические прорехи, и доверия эта девица, кем бы она ни была, вызывала не больше, чем паренек с открытым и честным взглядом, предлагающий на авторынке купить новые «Жигули» за половину цены. Но вот Савве я верил и доверял принятым им решениям, возможно, потому что их без преувеличения можно было назвать самоубийственными.

Да и про ядерную войну звучало, честно говоря, очень убедительно.

Так что если оставить за скобками все, чего я не понял, во что не поверил и в чем сомневался, то выбор оставался очень простой: принимать или нет эту нулевую гипотезу как рабочую, а если еще проще – влезть в непростую историю или остаться в стороне. Так получилось, что за всю свою жизнь до этого момента я ни разу не предпочел второго – хотя часто и

жалел об этом впоследствии. Совсем недавно – сейчас казалось, что уже месяц назад, не меньше – я совершенно честно ответил Кардиналу, когда тот спрашивал меня, зачем я дважды подавал заявление в Академию КГБ: «Хотел заниматься настоящим делом», а он, как оказалось, тоже совершенно честно пообещал мне приключение, которое выпадает раз в жизни, и то не всем. И вот сейчас, когда самое что ни на есть настоящее дело в компании с приключением стучалось ко мне в двери, немыслимо было просто запереть их и жить дальше как ни в чем не бывало. Ты же сыщик, Адамов.

– Понимаешь сама, о чем просишь? – спросил я.

– Да, – серьезно ответила Яна. – Я прошу тебя скрыться от собственных коллег и сил государственной безопасности страны вместе с предполагаемыми изменником Родины и шпионкой, чтобы спасти мир от ядерной катастрофы без всяких шансов на признание и благодарность.

Отказаться было немыслимо.

* * *

Я заглянул к родителям. Мама сидела на диване, сложив на коленях руки, и на лице ее было сочувственное и немного рассеянное выражение, какое бывает, когда человек делает вид, что слушает другого, но думает о своем. Савва пристроился рядом и тихим, монотонным голосом рассказывал:

– Ну вот, а потом мы переехали в Ленинград...

Мама кивала, глядя куда-то в сторону.

Отец расположился на стуле перед телевизором, на черно-белом экране которого импозантный чёрт безуспешно пытался решить теорему Ферма, чтобы завладеть душой гениального математика. Когда я вошел, все разом повернулись ко мне.

– Папа, пойдём, перекурим? – предложил я.

Отец поднялся, одернул рубашку, переглянулся с мамой и вышел вместе со мной.

На лестничной площадке между этажами было прохладно и пусто. Из-под приоткрытой крышки алюминиевого бака для пищевых отходов лениво ползла тягучая кислая вонь. Папа обстоятельно размял папиросу, дунул в картонную гильзу, сложил ее гармошкой и неспеша закурил. Некоторое время мы оба молчали, сосредоточенно затягиваясь и выпуская дым в приоткрытую форточку. На лице у отца было то выражение, которое рано

или поздно появляется на лицах всех отцов, особенно тех, у которых есть сыновья: твой ребенок влип в крепкие неприятности, ты готов ему помочь, только не знаешь как, но решимости тебе не занимать.

– Узнали их? – спросил я.

– А как же, – откликнулся папа. – Аллу Пугачеву реже показывают по телевизору, чем их. Узнали, а как же.

Он затаился так, что затрещал горящий табак в папиросе, и добавил с легкой укоризной:

– Мать испугалась. Мы сначала хотели позвонить, куда полагается, а потом подумали – ты ведь сам милиционер, приедешь, разберешься, что к чему.

Я бы очень хотел сказать отцу, что разобрался, но мои объяснения его бы вряд ли устроили.

– Папа, ситуация очень запутанная, – честно сообщил я. – Сейчас мне требуется их просто спрятать на время, только не у нас. И не у близких друзей. Надо, чтобы место было надежным, а знакомые – дальними.

Отец серьезно кивнул и задумался.

– Если в Череповец их отправить, к тете Маше?

– Не пойдет: им из города не выбраться. Да и тетя Маша – мамина сестра, близкая родственница. Нет, не то.

– А у Мартыновых спрятать на даче? До Сестрорецка-то доберутся уж как-нибудь.

– Ты с ними когда последний раз виделся?

– С Мартыновыми? Ну так на прошлой неделе, у Сережки день рождения был, мы с мамой ездили...

– Тоже не то. Нужен кто-то, с кем давно не встречались, не созванивались, но кому можно верить.

– Да уж, задача... – проворчал отец, придавил окурок в разрезанной пополам консервной банке на подоконнике и вытащил новую папиросу.

Что-то гулко ухнуло, будто в шахте лифта кто-то звучно глотнул. Вздогнул и загудел, поднимаясь, лифт. Кабина остановилась этажом выше, двери раскрылись с лязгом и скрежетом, и на лестничную площадку вышел какой-то незнакомый мне тип с опущенными по моде волосами до плеч, в оранжевой рубашке и с маленькой спортивной сумкой «ДИНАМО» через плечо; он посмотрел на нас, что-то буркнул и скрылся за углом коридора. Зазвенели ключи, хлопнула дверь, и опять стало тихо.

– Это кто такой? – спросил я. – Кажется, не встречал его раньше.

Отец махнул рукой:

– Понятия не имею. Вроде сын этой... как ее... которая с

фокстерьером... или нет... Сколько лет живем, а соседей почти не видим, не говоря уже, чтобы познакомиться. Раньше, помню...

Папа задумался на секунду и вдруг воскликнул:

– О! На Лесной!

– Что – на Лесной? – не сразу сообразил я.

– Так на старую квартиру их отправить, на Лесной проспект! Там же и Чечевицины еще живут, и Деметрашвили, и Яша с женой. Мы с ними только открытками обмениваемся на Новый год, ну, и созваниваемся изредка. В последний раз, кажется, в апреле с Яшкой говорили... Ну да, на Лесной в самый раз!

Мне даже немного стыдно стало, что я сам до этого не додумался. Дом на Лесном проспекте, где я родился, вырос, жил до восемнадцати лет, откуда меня всей квартирой провожали в армию – и куда я не вернулся и где не бывал больше. Я разом вспомнил и теплый полумрак длинного коридора, в конце которого уютно светится дверь кухни, и запах стирального порошка, дегтярного мыла и скипидара по воскресеньям, когда женщины затевали генеральную уборку, и ощущение неровного крашеного дощатого пола под босыми ногами, и бог весть какие еще тонкие ароматы, чувства и обрывки картинок, мгновенно возникающих в сознании, едва стоит вдруг вспомнить детство.

– Годится, – одобрил я. – Можешь позвонить дяде Яше и предупредить, что мы к ним приедем? Только лучше из автомата звонить, не нужно из дома. Прокатимся до метро?

* * *

На Лесном весть о нашем скором визите приняли с ликованием, несмотря на предупреждение о том, что ждать нас нужно после четырех утра, и с гостями.

– Всех примем, накормим, уложим! – заверил по телефону дядя Яша. – Валькина комната пустая стоит, места всем хватит! Если что, потеснимся!

– Папа, предупреди только, чтобы без торжественных встреч и застолий, – попросил я. – Зайдем сначала вдвоем, осмотримся, потом проведем Савву с Яной, их никто видеть не должен.

– Ты с ними останешься? – спросил отец.

– Да.

– Надолго?

– Не знаю, пап.

Он тяжело вздохнул.

– Что матери скажем?

– Секретное спецзадание.

– Так она и поверит, – проворчал папа. – Мать, что ли, не знаешь?

– Придется поверить. И пожалуйста, никому не говорите, куда я поехал, даже вслух друг с другом этого не обсуждайте дома, если возможно. На Лесной не звоните, я сам постараюсь выходить на связь. Никто ни в коем случае не должен установить связь между нашими домом и местом, куда я сейчас отправляюсь. Понимаешь?

– Что уж тут непонятного.

– Вам наверняка будут звонить с работы и точно позвонят из Комитета. Скорее всего, еще и придут пообщаться. Отвечайте, что я ушел поздно вечером... Так, когда мы видели этого дуста на лестнице?

– Где-то без четверти десять, наверное.

– Значит, я ушел из дома в одиннадцать вечера, куда – не сказал и больше о себе знать не давал. Справитесь?

– Постараемся. Ты только это, сынок...

– Что?

– Береги себя.

Ответ встал в горле комком.

Савва чуть повеселел, Яна заметно приободрилась. Вынула что-то из кармашка браслета правой руки и протянула мне:

– Вот. Надень.

Это был металлический значок на винте с эмблемой зимней Олимпиады в Сараево: смешной красно-белый волчонок с большим круглым носом. Присмотревшись, в правом глазу у него я увидел едва заметную пульсирующую красную точку, не больше игольного прокола.

– Устройство подавления сигнала, – пояснила Яна. – Начинает работать при завинчивании крепления, не позволяет обнаружить тебя по индивидуальной сигнатуре. Этим утром ты должен исчезнуть из всех поисковых систем, и наших, и шедов. После четырех часов в сфере вероятностей проявятся связанные с тобой изменения, и если раньше ты был просто замечен, то теперь окажешься в самом центре событий. Пока не закончим дело, не снимай значок. Пожалуйста, восприми это серьезно.

– Воспринял, – я нацепил значок на левый лацкан серого пиджака. – Теперь я тоже серьезно: вот это вот безобразие нужно состричь и побрить.

Савва испуганно глянул на меня и сказал:

– Нет.

– Да. Если хотите, чтобы я помогал вам прятаться, извольте слушаться

и не осложнять мне работу. Таскать на себе особые приметы я не позволю.

– Ну, на ориентировках есть портрет и без бороды... – неуверенно начала Яна.

– Не спорить, – отрезал я не без удовольствия. – Опытного сотрудника сбритой бородой и стрижкой не проведешь, а вот гражданам опознание затрудним. Ты же сама говорила что-то про десять или двенадцать тысяч возможных наблюдателей, если я все верно понял.

– И как будем стричься, под «ноль»? – с вызовом поинтересовался Савва.

– Идея неплохая, но нет. На уголовника будешь похож, а нам такое ни к чему. Ограничимся полубоксом. Снявши голову, по волосам не плачут, а ты, Савва Гаврилович, свою голову не только снял, но еще и ногой наподдал, чтобы дальше летела. Так что марш в ванную.

Мама выдала ножницы и старую простынь, папа – бритвенный станок, набор лезвий «Нева» и древнюю механическую машинку для стрижки волос, которую нашел где-то в кладовке среди инструментов. Савву усадили на табуретку в ванной, обмотали простыней, будто кота, которого нужно выкупать, и приступили к делу.

– Соорудим в лучшем виде, Савва Гаврилович, – пообещал я. – Мне в армии головы стричь доводилось. Будешь на новобранца похож.

Он засопел, но смолчал.

– Давай лучше я, – предложила Яна.

– А ты умеешь?

– Только что научилась. Не спрашивай, все равно не поймешь.

Я не стал спрашивать, тем более что получилось у нее отменно, это надо признать: чисто выбритый и постриженный Савва помолодел лет на десять, а похорошел так, как если бы никогда в жизни не занимался наукой.

Время приближалось к одиннадцати. Из дома решено было выезжать в пять минут пятого, и я отослал всех поспать хоть немного, а сам отправился пересидеть ночь на кухне. У меня была непочатая пачка «Родопи», две пачки дефицитного индийского черного чая и много того, о чем стоило бы подумать.

Часам к двум все же сказалась предыдущая бессонная ночь. Сначала на кухню зашел товарищ Жвалов; с ним мы курили почему-то «Казбек», рассказывали друг другу опасные политические анекдоты и вообще проводили время душа в душу. Потом явилась Ядвига Ильинична и принялась учить правильно заваривать чай; Яна сидела на подоконнике у открытого окна и болтала ногами, свесив их на улицу вниз. Пекарев боролся на руках с одним из братьев Бодровых, Цезарь разговаривал с

Шамранским про Нильса Бора, а Леночка Смерть пыталась сказать мне что-то важное – но я ее не слышал, а она никак не могла протолкаться ко мне через набившуюся в кухню невесть откуда толпу. Потом вдруг вокруг потемнело. В одно мгновение все исчезли. В стремительно наливающимся чернотой дверном проеме возникла «артистка» в огненно-алом платье и с бусами цвета запекшейся крови, в которых не хватало половины бусин-лхаш. Я хотел сказать ей, что теперь-то знаю, кто она и как ее звать, но не смог вспомнить имени, а вместо этого занес какую-то самому себе непонятную тарабарщину про квантовую неопределенность и математические множества. Она стала подходить ближе, и кухня залилась жуткими серо-сизыми сумерками. Тут я сообразил, что оказался во сне, и принялся мотать головой, чтобы проснуться, а «артистка» подходила все ближе, ближе, пока наконец я довольно чувствительно не треснулся лбом о покрытую клеенкой столешницу кухонного стола.

Сердце колотилось, как после кросса на пять километров. Расписанные под хохлому настенные часы с кукушкой показывали начало четвертого. Я перевел дух, покурил, открыв настежь окно, и пошел будить остальных.

Я планировал в одиночку отвезти Савву и Яну на отцовском «ИЖ-Комби», устроить их в квартире на Лесном, а потом отогнать машину назад и вернуться обратно уже, что называется, своим ходом. Но папа решительно воспротивился и сказал, что сядет за руль сам.

– А то разобьешь еще.

Маме он категорически запретил нас провожать – раннее утро, будний день, и вообще, лишние слезы, – но мама, очень хорошо изучившая за тридцать лет отцовские интонации и грани смыслов, этим запретом решительно пренебрегла.

Около четырех часов утра среды, 22 августа, мы вышли вчетвером из парадной. Отец еще раньше отправился до гаража, и к нашему выходу подогнал машину поближе к дверям. В утренней тишине чуть слышно тикали мигающие желтые фонари «аварийки». Я огляделся. В длинных девятиэтажных стенах домов, окружавших просторный двор, светилось всего несколько окон. В нашей парадной со стороны двора света не было ни в одной из квартир. Всё вокруг: дома, тоненькие, подвязанные к черенкам деревца, горка на детской площадке, кусты – было неподвижным и как будто ждало чего-то, словно декорация на пустой сцене задолго до начала спектакля. Воздух был еще почти чистым и свежим, а в сравнении с теплой квартирой и ставшей привычной дневной жарой казался прохладным. Ильинский протяжно зевал и поеживался спросонья. Острые

веснушчатые плечики и открытые белые руки Яны покрылись зябкими мурашками.

– Нам куда сесть, сзади? – поинтересовалась она.

– Ни в коем случае, – ответил я и широким жестом распахнул багажник. – Для вас выделено отдельное помещение.

Савва дисциплинированно кивнул, нагнулся и, кряхтя, полез внутрь. Яна вдруг заупрямилась:

– Это обязательно?

– Я минимизирую риски. Город пустой, сотрудники в напряжении, и мне совершенно не нужно, чтобы вы восседали в салоне, когда мы будем проезжать мимо постов ГАИ. Так что лезьте и лежите там тихо. Тем более что багажник у этого автомобиля просторный.

– Сынок, давай я им хоть газеток постелю, – забеспокоилась мама.

– Ничего, нам ехать недалеко, прекрасно доберемся и так, – заверил я.

Ильинский уже устроился в багажнике со сноровкой человека, с раннего детства привычного к разному. Яна сверкнула глазами, передернула плечами, фыркнула, но тоже полезла вовнутрь.

– Валетом располагайтесь, – дружелюбно порекомендовал я. – Так удобнее.

Я подождал, пока она кое-как уместится между потертыми подошвами ботинок Саввы, запасным колесом и бензобаком, и аккуратно захлопнул крышку.

---

notes

Примечания

1

Ланиакея – сверхскопление групп галактик, в котором, в том числе, содержится сверхскопление Девы, составной частью которого является Местная группа, содержащая в себе Млечный Путь с Солнечной системой, и Великий Аттрактор, где расположен центр тяжести Ланиакеи.

AWACS (*Airborne Warning and Control System*) – авиационный комплекс радиообнаружения и наведения, электронная система разведки и управления.

БЧХ-код – код Боуза – Чоудхури – Хоквингема, широкий класс циклических кодов, защищающих информацию от ошибок и позволяющих восстановить ее в случае неполноты прохождения передающего сигнала.

4

Код Рида – Соломона – частный случай BCH-кода.

JTIDS (*Joint Tactical Information Distribution System*) – одна из радиосистем передачи данных с временным разделением доступа.

«Лошадиные широты» – штилевая область в Атлантическом океане в районе между 30° и 35° с. ш. В XVII в. из-за штилей или кратковременных слабых ветров суда, перевозившие лошадей из Европы в Америку, задерживались в пути. Когда корма для лошадей не хватало, их выбрасывали в океан.

Улица Герцена – ныне улица Большая Морская в Санкт-Петербурге.

Улица Гоголя – ныне улица Малая Морская в Санкт-Петербурге.

«Время, вперед!» – оркестровая сюита Г. Свиридова, фрагмент которой использовался в качестве музыкальной заставки информационной программы «Время».